

КТО ТАКІЕ МЕННОНИТЫ?

Краткій историческій очеркъ.

Второе
исправленное и дополненное издание.

Изданіе Т-ва „РАДУГА“, Гальбштадтъ, Тавр. губ.

1915

Кто такие меннониты?

Краткий исторический очерк.

Составил П. Я. Браун.

Второе исправленное, дополненное издание.
Гальбштадт, Тавр. Губерни. издательство “Радуга”.
1915

Оглавление

I. Происхождение меннонитского вероучения.....	3-11
II. К истории меннонитов.....	12-75
Переселение меннонитов в Польшу.....	12
Меннониты в Польше.....	13
О языке и национальности меннонитов	18
Меннониты в Пруссии.....	24
Переселение меннонитов в Россию	27
Меннониты в России.....	51
Участие меннонитов в русских войнах	57
Оказание помощи пострадавшим от разных бедствий....	70
Заключение.....	75
Тезисы или выводы.....	76

I. Происхождение меннонитского вероучения.

Меннониты представляют собою евангелическое вероисповедание. Свое название они получили по имени своего наиболее выдающегося учителя и организатора, “кроткаго” Менно Симона. Менно Симон или просто Менно родился в 1492 году от католических родителей в деревне Витмарзум, в нидерландской провинции Фрисландии. С 1516 года он состоял каланом в деревне Пиньюм, а с 1532 года — приходским священником на своей родине, но в 1536 году, по внутреннему убеждению, отказался от священнического сана и отрекся от католической церкви. Вскоре после этого он от Оббе Филиппса принял крещеное по вере и потом некоторое время жил в уединении и изучал Св. Писание. Но он был далек от мысли основать новую общину. Приблизительно через год после отречения от католической церкви его приглашали в епископы давно известные в Нидерландах приверженцы учения о крещении взрослых или “крестящие по вере” [Таифгесинте = Doopsgezinde]¹⁾. Сам Менно об этом так рассказывает:

-----
¹⁾ Тауфгезинтен, т. е. крестящими по вере, они называли себя потому, что совершали таинство крещения, как и современные меннониты, только над взрослыми, которые в состоянии сознательно отнестись к этому акту и дать отчет в своей вере.

“Приблизительно годом позже [именно в 1537 году], когда я в тиши читал и изучал Слово Божие, ко мне приходило 6, 7 или 8 человек ¹⁾, которые были одно сердце и одна душа и в своей вере и жизни, по человеческому суждению, были непорочны; они, согласно свидетельству Св. Писания, отрелись от мира и подчинились Кресту; имели не только к Мюнстерской ²⁾, но и ко всяким, достойным осуждения, гнусным сектам всего мира глубокое отвращение. Они долго упрашивали меня от имени благочестивых, бывших с ними и со мною одних убеждений, принять к сердцу их тяжелое бедствие и крайнюю нужду и употребить на их пользу талант, дарованный мне Господом” ³⁾.

После продолжительной внутренней борьбы Менно решил принять предложение, и затем дальше говорить: “Итак, я был приглашен на это служение не Мюнстерской или какой-либо другой революционной сектой, как меня злословят, а был приглашен людьми, которые были готовы следовать Христу и Его Слову, вели благочестивую жизнь в страхе Божиим, с любовью служили своим ближним, покорно несли крест, искали благо и спасение всех людей, любили справедливость и правду и гнушались несправедливости и зла” ⁴⁾.

В том-же 1537 году Оббе Филиппс посвятил Меннона в духовные старшины Гронингенской общины ВС Голландии. С этого времени и началась его неусыпная

-----

¹⁾ Это были уполномоченные от угнетенных "тихий" крестьян по Вере, как их тогда называли в отличие от Мюнстерских; уполномоченные приходили к Меннону по указанному делу в разное время и в различном числе (6, 7, 8).

²⁾ Мюнстерская секта анабаптистов или перекрещенцев тоже усвоила учете о крещении взрослых, но в остальном допускала многое, что явно противоречило учению Св. Писания, как многоженство и вообще распутство, истребление всех нечестивых и проч. Она отказывалась подчиняться существующим церковным и гражданским законам, выдавала свое учете за особое откровение Божие и мечтала о воздвижении, путем насильственного) переворота, небедного царства на земле, главою которого был объявлен некий Иоанн Лейденский под названием “короля нового Сиона”. Секта эта возникла в гор. Мюнстер в Вестфалии в 1534 году, почему она и называется Мюнстерской. Крестьяне по вере братья — впоследствии меннониты — существовали, как мы дальше увидим, уже гораздо раньше и, кроме крещения взрослых, ничего общего с Мюнстерской сектой не имели.

³⁾ Menno Simon, Die vollständigen Werke, übersetzt aus der Originalsprache, dem Holländischen. Elkhart, Indiana, North-America 1876, стр. 11.

⁴⁾ Там-же, стр. 12.

деятельность на ниве Божьей. Он посещал единомышленников, разсеянных в Нидерландах, по нижнему Рейну, в Северной Германии, в Западной и Восточной Пруссии, в Польше и вплоть до Ливонии, объединял их в общины, давал им общинную организацию и составлял статьи и указания относительно главнейших оснований их вероучения. Благодаря своей самоотверженной деятельности, Меннон пользовался чрезвычайным влиянием, чем и объясняется, что уже с 1544 года стали называть его приверженцев по его имени меннонитами или меннонитами¹⁾.

Беспрестанные преследования со стороны католиков заставили Меннона уже в 1542 году покинуть родную страну, и после долгих скитаний он, наконец, в 1555 году, нашел убежище у графа Алефельда в его имении Фрезенбурге, близ Ольдеслоэ в Голштинии, где и оставался до своей смерти. Граф Алефельде разрешил ему устроить типографию. и таким образом Меннон получил возможность распространять свое учение и опровергать выставленные против него обвинения. Тогда и обнаружилась вся лживость этих обвинений, и жестокие преследования его учения со временем прекратились. Скончался Меннон 13 января 1559 года. Впоследствии ему были поставлены два простых памятника: один на его родине в Витмарзуме, другой, с бронзовым изображением Меннона, на месте его кончины. Как видно из оказанного, Меннон не является основателем нового вероучения в собственном смысле этого слова; его заслуга состоит в том, что он объединил существовавшие до него группы “крестьящих по вере” в организованные общины со строгой церковной дисциплиной, — и то не все, а лишь находившиеся в северных землях, между тем как об-

-----
¹⁾ В некоторых странах это название было, однако, лишь временным; так в самой Голландии частью меннонитов с 1577 года и всеми общинами с 1801 года принято опять первоначальное название “крестьящие по вере” = “Doorsgezinde”, хотя в народе их и поныне продолжают называть <меннистами>. — Меннониты же Швейцарии в настоящее время именуют себя “Старо-евангелическими общинами” = “Alt-evangelische Gemeinden”. [Chr. Hege, Kurze Geschichte der Mennoniten. Frankfurt a. M. 1909, стр. 54].

разовавшиеся в южногерманских землях и в Швейцарии общины остались почти незатронутыми его деятельностью, — а в своих многочисленных сочинениях он догматически изложил их вероучение и весьма успешно его защищал. Но самое вероучение существовало уже задолго до Меннона.

Откуда же произошло это вероучение? —

Корень его таится в глубокой старине; это направление, без сомнения, находится во внутреннем родстве с различными религиозными париями, которые стали возникать в христианской церкви с того времени, как последняя — в противоположность учению Христа и примеру апостолов — стала облекать себя светскою властью, папы и епископы обратились в светских князей и управляли страной и её жителями, прибегая к силе меча не только в светских делах, но и в делах веры. С того же времени в католической церкви завелись различного рода злоупотребления и усиливалась порча её органов и представителей — духовенства. Когда вследствие этого, уже с начала XI века, в северной Италии, а затем и в южной Франции и западной Германии, та часть верующих, которая придерживалась первоначального христианского строя, отделилась от этого светского клира, то последний обратил меч против них, и они бежали в отдаленные горы и ущелья, где еще в позднейшие века жили остатки древних общин [д-р Келлер].

Эти религиозные партии известны в истории под различными названиями, смотря по стране, где они жили. Таковы: Бедные из Лиона, альбигойцы, Ломбардские братья, Болгарские богомилы, Швейцарские братья, Богемские братья и проч. Чаще всего они упоминаются под общим названием “катаров” [по-ломбардски Gazzari = чистые; отсюда немецкое Ketzler = еретик]. Впоследствии общеупотребительным названием их сделалось “вальдензы”, по имени Петра Вальдуса, богатого гражданина города Лиона, жившего в XII веке [† 1217]. Он работал среди “братьев” южной Франции и сильно подвинул вперед весьма распространенное в

его время стремление, которое ставило себе целью возстановить, среди всеобщего упадка церкви, первоначальную простоту и апостольскую чистоту её. Не отвергая ни учения ни канонов церкви, он, однако, обратился к библии, и в этом направлении иерархия видела главнейшую опасность, так как библейская проповедь частных лиц открыла бы вопиющее противоречие между учением Христа и образом жизни и деятельности нравственно распущенного и крайне невежественного большинства духовенства, а вместе с тем был бы подорван авторитет церкви, которым так дорожила иерархия ради корыстных, честолюбивых целей своих.

Что касается нравственности этих религиозных партий, то известно, что даже враги давали о них хорошие отзывы. Так один из римских инквизиторов в 1250 году говорить о лионистах: “Они воздерживаются от лишних слов, от осуждения ближнего и от легкомысленных разговоров так же, как и от лжи и присяги”.

О их древнем происхождении и значительном распространении говорится в другом месте: “Среди всех сект нет более вредной для церкви, чем секта лионистов, прежде всего потому, что это самая древняя секта, так как некоторые утверждают, что она существует со времен Сильвестра [315 г. по Р. Хр.], другие — даже со времен апостолов; далее потому, что она самая распространенная, ибо нет страны, в которой бы не было этой секты”.

Весьма раннее появление сего направления, между прочим, доказывается и “Римским правом” V и VI веков, в котором уже встречаются отдельные постановления против еретиков, например в Codex Justinianus против еретиков, совершающих крещение над взрослыми. Что “братья” и позднее применяли крещение взрослых, т. е. крещение по вере, видно из следующей цитаты д-ра Келлера: “В 1150 году инквизиторы в гор. Кельне утверждали, что тамошние еретики, ссылаясь на евангелие от Марка гл. 16 ст. 16, совершали крещение над взрослыми”.

По свидетельству д-ра Келлера, это учение уже в XII и XIII веках было очень сильно распространено по западной Европе. “В 1170 г. архиепископ Лионский запретил вальдензам проповедывать. В 1192 году король Альфонс издал указ против них. В 1220 г. граф Фома Савойский установил денежный штраф для тех, кто вальдензам давал приют. В начале XIII века Леопольд Прославленный принимал меры против них. Можно доказать существование организованных общин “братьев” в 1240 г. в Австрии, а в 1257 г. находим их в Богемии. Следы их деятельности заметны на Пиренеях, на о-ве Сицилии и в Неаполе. Одновременно они появляются на Кентском побережье в Англии. Особенно же многочисленны они были в Нидерландах, в провинциях Фландрии и Брабанте. В северной Франции они пребывали, главным образом, в Пикардии, — вообще, в западной Европе едва-ли была страна, где бы их не было”.

Теперь спрашивается, являются ли последователи учения о крещении по вере, позднейшее меннониты, преемниками древних вальдензов?

Прежде всего следует констатировать, что меннониты, как общины, не имели никаких отношений ни к секте Фомы Мюнцера¹⁾, ни к Мюнстерским анабаптистам. За это говорит все их историческое прошлое и дух их учения, которое, в отличие от анабаптизма, носит чисто религиозный характер: Менно всецело отверг воинствующее, политическое значение церкви, на котором настаивали и Фома Мюнцер и Иоанн Лейденский. В доказательство того, что как сам Менно Симон, так и его друзья никогда не разделяли безумия этих сект, привожу следующую цитату из сочинения Меннона: “Да не обвинит меня никто, по справедливости, в том, что я когда либо соглашался с учением Мюнстер-

-----
1) Фома Мюнцер выступал сперва в роли проповедника, организовал в 1623 году в г. Альштедт религиозную секту с целью ниспровергнуть старые власти и вместо них учредить новые, затем стал не только выбрасывать из церкви иконы, но и разрушать сами церкви и проч. В 1525 году он сделался предводителем крестьянского восстания в Тюрингии, попал в плен и был казнен в том же году в г. Мюльгаузен.

ских, ибо я до сего дня, в течение более семнадцати лет, всячески противодействовал им и тайно и явно, и устно и письменно. Всех тех, которые, как это сделали Мюнстерские, отвергают Крест Христа, презирают слово Господне и, под видом благочестия, потворствуют Мирским страстям, всех тех мы не признаем за своих братьев и сестер”. — По учению Менно Симона, единственным основанием веры и жизни должно служить Св. Писание, почему он в другом месте прямо называет учение Мюнстерских ересью, так как оно “далеко от духа, слова и примера Христа” [“*verre van Christi Creest, Woort ende Voorbeeld*”].

Подобных изречений мы находим у Меннона очень много; он писал даже целые сочинения против ненавистных ему лжеучений. То-же самое делал и Дирк Филиппс, главный сотрудник Меннона и образованнейший из первых меннонитов, который уже до 1536 г. писал против Мюнстерских ¹⁾. Только незнание с подлинными обстоятельствами или злое намерение побуждали историков и полемиков XVI века — а также и позднейших — выставлять “крестящих по вере” общин как новую, возникшую из революционных настроений того времени, секту и называть их “перекрещенцами” или “анабаптистами”, чтобы дать им подозрительное уже название.

Не подлежит никакому сомнению, как это и подтверждается лучшими знатоками церковной истории, что меннонитов смешивали вначале с Мюнстерской сектой главным образом потому, что они отвергали, как и те, крещение детей. Ясно, что такого довода нельзя считать основательным. —

Связь же меннонитов с вальдензами доказывается прежде всего тем, что видные руководители их вышли из среды древних вальдензов, чем и объясняется, почему в главных центрах вальдензов так быстро возникали крупные общины крестящих по вере. Таковыми были: Ганс Денк, Людвиг Гецер, Ганс Лангенмантель, Ганс Кох, Шпиттельмайр и др.

-----
¹⁾ См. его сочинения: 1. “*Stuk van geestelijke Restution*” и 2. “*Verklaringe des Tabernakels ofte der Hutten Mosi*”.

Дальше символы веры меннонитов и прежних “крестящих по вере”, вальдензов и их предков обнаруживают настолько близкое сходство, что являются важным свидетельством внутреннего родства этих направлений. Общинный строй, нравы и обычаи меннонитов настолько напоминают о вальдензах, что историк Мосгейм прямо говорит: “Вальдензы жили по образу нынешних меннонитов”. И другие историки и исследователи [Келлер, Гаупт, Мюллер, Оостерзее, Ведель, Фризен и др.] признают за меннонитами право считать себя духовными потомками вальдензов¹⁾.

Из этого, конечно, не следует, что древние катары были тождественны с вальдензами, а эти последние — с меннонитами. В течение веков человеческая мысль развивалась, что само собою отражалось и на указанных христианских общинах; вследствие этого они видоизменялись, и между ними появлялись некоторые различия. Но из сказанного можно сделать то заключение, что ни вальдензов, ни меннонитов нельзя считать и называть новыми сектами, возникшими тогда-то и там-то. Хотя они отличаются, по указанным причинам, друг от друга в частности, но в основных чертах они тождественны и чувство внутреннего родства

-----
1) Выяснению этого важного вопроса особенно много послужили исследования д-ра Л. Келлера, бывшего архивариуса в г. Мюнстер, которые пролили свет на происхождение старо-евангелических общин, к которым принадлежат и меннониты. На основании его исследований, без всякого преувеличения, можно утверждать, что вероучение, которого придерживаются меннониты, в общехристианской церкви существовало раньше, нежели церкви лютеранская и реформатская, и поэтому имеет полное право на признание за собою исторической самостоятельности. Взгляды Келлера у многих вызвали сомнение, и многие выступали против него, но никто не мог опровергнуть правильности его выводов, так, как он основывался на многочисленных документах и неопровержимых фактах. Результаты своих исторических исследований он изложил в целом ряде ученых трудов: 1. Geschichte der Wiedertäufer und ihres Reiches zu Münster [Münster 1880]. 2. Die Waldenser und die deutsche Bibelübersetzungen [Leipzig 1880]. 3. Hans Denk, ein Apostel der Wiedertäufer [Leipzig 1882]. 4. Die Reformation und die älteren Reformparteien [Leipzig 1885]. 5. Zur Geschichte der Alt-Evangelischen Gemeinden [Berlin 1887]. 6. Die Grundfragen der Reformationsgeschichte 7. Die Anfänge der Reformation und die Ketzerschulen. Взгляды д-ра Келлера о происхождении меннонитского вероучения всецело разделяет также проф. Ведель и проводит их в своей "Истории меннонитов": “Prof. C. H. Wedel, Abriss der Geschichte der Mennoniten”. Newton, Kansas, Nord-America 1900—1904. 4 тома.

никогда не потеряли окончательно. Они все, напр., любили называть себя просто “общинами Христа” и “братьями”. Так и меннониты по сей день называют друг друга “братьями”, а собрания их в молитвенных домах, решающие, под руководством пресвитера или проповедника, все вопросы общинного строя, именуются “братскими совещаниями” [“Bruderschaften”].

В виду всего вышеизложенного мы и должны прийти к тому заключению, *что вальдензы, крестящие по вере, и современные меннониты представляют собою отдельные фазы развития одного и того-же основного направления христианской церкви, которое можно проследить в ней с первых времен христианства вплоть до начала реформации.*

II К истории меннонитов.

Переселение меннонитов в Польшу.

В то время, когда в Нидерландах Менно Симон организовал меннонитские общины [1537 — 1559], эта страна принадлежала к империи Карла V, короля Испании. Карл V, будучи ревностным католиком, в своих землях сильно преследовал протестантов, в том числе и меннонитов. Ему наследовал в 1555 году его сын, Филипп II, при котором инквизиция еще более процветала. Он поручил управление Нидерландами, в состав которых входили нынешняя Голландия, Бельгия и северо-западная Франция, своей сестре, Маргарите Пармской, которая дело инквизиции всецело передала в руки кардинала Гранвеллы, человека, действовавшего по принципу: “Лучше пустыня, чем страна, заселенная еретиками”. Преследования протестантов скоро вызвали народный мятеж, и правительница, чтобы успокоить население, обещала отменить инквизицию. С этим, однако, не был согласен король. Он отправил в Нидерланды герцога Алчбу с 10000 войском, и теперь началась без человеческая травля протестантов, продолжавшаяся с 1567 — 1573 годы. Так как меннониты, благодаря своему трудолюбию, в общем были зажиточны, то герцог их особенно преследовал, чтобы поживиться на счет их имущества. В одной Голландии — это была провинция

Нидерландов — при нем было казнено больше 100 человек из меннонитов, а всего от инквизиции их погибли целые тысячи. В меннонитской книге “Martelaerspiegel”¹⁾ [“Märtyrerspiegel” = “Зеркало мучеников”] поименно перечисляется около 800 человек, замученных за время с 1524 —1600 год.

В эту пору жестоких преследований в Нидерландах, меннониты нашли убежище в Польше, именно в западной её части, так называемой “Западной [или королевской] Пруссии”. Здесь на берегу озера Друзена уже раньше существовала голландская колония под названием “прусская Голландия” = “Preissisch Holland”²⁾. Меннониты перешли сюда около 1540 года, при короле Сигизмунде I [1506 — 1546]. Как известно, тогда вся “Западная Пруссия” принадлежала Польше, к которой она была присоединена еще в 1466 году, по Торнскому миру. В 50-х и 60-х годах XVI века сюда перешли из Нидерландов — уже при короле Сигизмунде II Августе [1546—1572], который предоставил им различные привилегии³⁾ — еще многочисленные отряды меннонитов, отчасти, вероятно, по собственной инициативе, так как преследования их, особенно в южных Нидерландах, все еще не прекращались, а отчасти и по приглашению⁴⁾.

Меннониты в Польше

Таким образом голландские меннониты сделали, подданными Польши. Они поселились здесь, главным

1) Tileman van Braght, Het bloedig Tooneel of Martelaerspiegel der Doopsgezinde of weereelse Christenen. Amsterdam 1685.

2) Dr. Mannhardt, Die Wehrfreiheit der Altpreussischen Mennoniten. Marienburg 1863, стр. 68.

3) См. ниже грамоту короля Владислава IV, от 22 декабря 1642 г.

4) Так братья Симон и Стефан Лойзы [см. грамоту Владислава IV], получивши от короля большое поместье Тигенгоф, хотели поручить возделывание этой болотистой, поросшей кустарником и лесом местности голландским меннонитам, как наиболее искусным в подобных работах, и обратились к городу Эльбингу с просьбой отпустить им часть живших там меннонитов. Когда-же город на это не согласился, они обратились непосредственно в Голландию и в 1562 г. вызвали оттуда, с ведома и согласия польского короля Сигизмунда II Августа, значительную группу меннонитов, за которой скоро последовали другие [M. Klassen, Geschichte der wehrlosen taufgesinnten Gemeinden, стр. 236—237; то же самое говорят Маннгардт, Бронс, Ведель и др. историки]. — В грамоте короля Августа II тоже сказано, что меннониты были приглашены в страну польскими королями из Голландии.

образом, в устьях Вислы, именно в окрестностях городов Эльбинга [Эльблонга] и Данцига [Гданска] и на лежащей между этими городами Мариенвердерской низменности, а позднее и по средней Висле, около городов Грауденца [Грудзионжа] и Торна [Торуня]. Фламандцы¹⁾, как промышленники, устремились преимущественно в города, а фризы²⁾, издревле занимавшиеся земледелием, поселились на равнине. Мариенвердерская низменность состояла в то время из болот, песков и солончаков, заливаемых то рекою, то морем. Эту бесплодную низменность братство оградило от реки и моря грандиозными искусственными сооружениями и земляными плотинами, осушило болота, вывело пески и солончаки и обратило, таким образом, всю эту низменность в цветущий сад и богатые нивы³⁾.

Заслуги меннонитов в Польше не только на поприще земледельческой культуры, но и в различных отраслях промышленности, время от времени были засвидетельствованы польскими королями в своих грамотах, которыми они предоставляли меннонитам различные льготы и подтверждали ранее им дарованные. Содержание всех этих грамот в общем сводится к тому, что меннонитам следует покровительствовать, потому что они полезные люди и предки королей вызвали их из Нидерландов для возделывания Вердеров.

Из таких королевских грамот для меннонитов можно указать следующие, подлинники которых сохранились до настоящего времени:

I — грамота короля Владислава IV [1632 — 1648], от 22 декабря 1642 г.

-----
¹⁾ Фламандцами назывались жители северных низменных провинций южных Нидерландов, именно Фландрии и Брабанта; меннониты-фламандцы, следовательно, являются выходцами из нынешней Бельгии.

²⁾ Фризами назывались жители островов и береговых провинции северных Нидерландов: Зеландии, Голландии и Фрисландии; меннониты-фризы поэтому являются выходцами из теперешней Голландии. Между обеими меннонитскими группами долгое время существовали некоторые различия и даже разногласия, напр. по вопросу о церковном отлучении, которые были заметны вначале еще и в России, но в настоящее время обе группы окончательно слились.

³⁾ А. Клаус, Наши колонии; опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Спб. 1869, стр. 115,

II — Грамота короля Яна Казимира [Иоанна II Казимира, 1648—1669], от 16 июня 1650 г.

III — грамота того же короля, от 20 ноября 1660 г.

IV — грамота Яна Собесского [1673—1696], от 22 августа 1694 г.

V — грамота Августа II [1697—1733], от 18 октября 1732 г.¹⁾

I. Первая из этих грамот в переводе на русский язык гласит так:

“МЫ, ВЛАДИСЛАВ IV,

Божею милостию Король Польский, Великий Князь Литовский, Русский, Прусский, Мазурский, Самогицкий, Лифляндский, Смоленский и Черниговский, как и наследственный Король шведов, готов и вендов: объявляем настоящей Нашей грамотой всем и каждому, к кому относится. — Так как всякий труд и всякое старание на общую пользу достойны милости и защиты князей и Нам хорошо известно, какие льготы, права и вольности были дарованы предкам меннонитских жителей наших Мариенбургских Вердеров, как Большого, так и Малого, которые были приглашены Лойзами, с согласия и ведома Нашего Прадеда Августейшего Сигизмунда Августа, поселились в пустынных тогда, болотистых и непригодных местах в означенных Вердерах и с большим старанием и многими расходами, вызванными выведением кустарника, постройкой мельниц для отведения воды из болот и наводненных мест, а также возведением плотин против разлития Вислы, Ногата, озера Друзена, Гафа, Тиге и других рек, сделали их пригодными и плодородными, чем оставили своим потомкам пример отличного трудолюбия: то Мы, по подданнейшей просьбе означенных жителей наших Мариенбургских Вердеров,

-----
¹⁾ Подлинники I и II грамот хранятся в архиве меннонитской общины в Орлоферфельде в Пруссии, а III— V в меннонитской общине в Малом Мариенбургском Вердере. Все они написаны на латинском языке и отпечатаны в книге д-ра Маннгардта: „Die Wehrfreiheit der Altpreussischen Mennoniten,“ стр. LX—LXVIII

все без исключения права, привилегии и вольности, которые были дарованы им Нашим Прадедом Августейшим Сигизмундом Августом и были подтверждены Нашими Королевскими Предшественниками Августейшими Стефаном¹⁾ и Сигизмундом III²⁾, и которыми они донныне пользовались, настоящей Нашей грамотой вновь утверждаем на вечные времена. Так как они, как верные подданные, показали свою покорность поднесением определенной суммы денег для Нашего употребления, то настоящей Нашей грамотой Мы не только свидетельствуем получение этой суммы, но обещаем за Нас и Наши Августейших Преемников, что Мы и Наши Августейшие Преемники означенных жителей Наших обоих Мариенбургских Вердеров освобождаем впредь и на вечные времена от подобных налогов и намерены не допустить, чтобы кем-нибудь от них требовалось что-либо подобное. В удостоверение чего Мы настоящее собственноручно подписали и подкрепили государственною печатью. Варшава, 22 декабря месяца 1642 года. Царствования Нашего в Польше в 10-е, в Швеции в 11-е лето.

Владислав, Король”.

II. В грамоте от 16-го июня 1650 года король Ян Казимир объявляет, что к нему поступило от имени голландцев в Тигенгофе, Бервальде и всех прочих подданных, находящихся в его поместье, прошение взять их под свою защиту и покровительство и освободить их от чрезвычайных налогов, которыми различные лица часто их облагают. В знак королевской милости за неусыпное прилежание, с каким они в течение многих лет возделывали неплодородные поля Мариенбургскаго поместья, король вполне удовлетворяет их “справедливую просьбу”, присовокупляя, что он не желает, чтобы их под предлогом меннонитской религии или другой претензии впредь обременяли вымогательством, и обещает “сохранить им совершенно как обладание

-----
1) Стефан Баторий, 1676—1686.

2) Сигизмунд III, 1586—1632.

имуществом, так и их права, привилегии, льготы и старинные обычаи”.

III. Когда некоторые усердствовавшие чиновники стали распространять законы против ариан и на меннонитов, то Ян Казимир, грамотой от 20-го ноября 1660 г., объявил, что эти законы отнюдь не следует относить к меннонитам, и повелел всем чиновникам защищать последних и заботиться о том, чтобы они вполне были сохранены в той неприкосновенности, которая дана им в грамоте от 16 июня 1650 г.

IV. В грамоте от 22-го августа 1694 г., король Ян Собеский, между прочим, говорит:
“В виду того, что жители Эльбингского округа, Мариенбургского Вердера и наших поместий Тигенгоф и Бервальде, называемые меннонитами, очень усердствовали в оказании Нам великих услуг, Мы нашли достойным и должным сохранять и защищать их во всех правах, привилегиях и обычаях, дарованных им Нами и Нашими Предшественниками,... и разрешаем им свободное отправление меннонитской религии, как прежде у них велось”.

V. Наконец, в грамоте Августа II, от 18-го октября 1732 г., читаем:
„Как Мы при счастливом Нашем восшествии на престол в Кракове, 20-го сентября 1697 года, меннонитам [которых Наши Августейшие Предки вызвали из Голландии, старанием и трудом которых Они пользовались в Мариенбургских Вердерах для возделывания почвы и лугов и для построения водяных мельниц, и которые сами не перестают работать и делать расходы для улучшения наших поместий] подтвердили все права, вольности и привилегии, дарованные им Нашими Августейшими Предшественниками, так Мы нашли необходимым настоящим подтвердить им не только все эти привилегии наших Августейших Предшественников, но и все концессии и учреждения

духовного характера [Concessions, Commissiones, Ordinationes], предоставленные им местными духовными наставниками, кардиналами и епископами, относительно свободного отправления своей религии, обычного богослужения в частных домах, школах и других местах, совершения крещения и причащения, бракосочетания, погребения трупов, также и не взрослых [т. е. некрещенных], на кладбищах, совместного обучения их детей своими учителями в обычных школах или других домах, и относительно прочих, разрешенных им духовных прав”...

Все прежние привилегии вновь были подтверждены “Эльбингским, Мариенбургским, Вервальдским и Тигенгофским меннонитам” Августом III [1733 —1763], грамотой от 16-го апреля 1736 года, и, наконец, последним польским королем, Станиславом Августом Понятовским, грамотой от 20-го декабря 1764 г., т. е. за восемь лет до первого раздела Польши.

В Польше меннониты жили сравнительно долго, около 250 лет. Здесь к ним пристали и незначительные славянские группы, именно из чехов-моравских братьев, которые переселились в Польшу еще до меннонитов, а также из поляков. На славянский элемент среди российских меннонитов указывают, между прочим, следующие фамилии, встречающиеся у них: Завадский, Козловский, Рогальский, Делеский, Шапанский, Зелевский, Ратцлаф [из Радослав?], Шпенст [из Успенский?] и др.

О языке и национальности меннонитов

Что касается языка переселившихся в Польшу меннонитов, то о нем можно сказать следующее. Без сомнения, все эти меннониты знали голландский язык, употреблявшийся у них в качестве богослужебного, о чем речь еще будет впереди. Установить же их разговорный язык нам представляется трудным, потому что в Нидерландах в XVI веке, как и в настоящее время, кроме голландских наречий, восходящих к нижнефранкскому языку, было распространено и ниже-

немецкое наречие — *plattdeutsch*, напр. в Гронингенской области. Эти наречия находятся в близком родстве между собою, которое чем дальше назад, тем было больше, и провести резкую границу области их распространения весьма трудно. Кроме того, нам точно и не известно, из каких именно областей Нидерландов меннониты переселялись в Польшу. Во всяком случае можно предположить, что многим из них нижненемецкая речь была знакома.

Население, которое меннониты застали на Мариенвердерской равнине, тоже говорило на нижненемецком наречии. Поэтому для меннонитов эта речь была вполне понятна и скоро она сделалась разговорной речью самих меннонитов. Но голландский язык еще более 200 лет употреблялся ими в качестве богослужебного и литературного языка. Когда именно он был заменен немецким, не поддается точному определению. Процесс этот совершался постепенно и не всюду в одно время. В предисловии к сборнику духовных песен для меннонитских общин в Пруссии, первое издание которого на немецком языке вышло в 1768 г., имеется такая заметка

“Прежде у наших единоверцев первые сборники духовных песен издавались на голландском языке; но в виду того, что здесь в Пруссии у меннонитов, прежним отечеством которых была Голландия, знание голландского языка мало по малу исчезало и, наконец, стали уже и проповедывать на немецком языке и обучать на нем молодежь, вследствие чего голландский язык для большинства сделался непонятным, они признали крайне необходимым при богослужениях ввести и пение на немецком языке. Некоторые духовные старшины и учителя здешних общин поэтому решили собрать песни, согласные с нашими религиозными принципами, и издать на немецком языке сборник духовных песен для частного и церковного употребления. Многие голландские песни были переложены на немецкие стихи” и т. д.¹⁾

-----
¹⁾ Из предисловия к 7-му изданию означенного сборника, вышедшему в 1829 году в Эльбинге. Перевод.

По этой заметке замена голландского языка немецким совершилась в 60-х годах XVIII века. Но надо иметь в виду, что первые издания этой книги вышли в Кенигсберге, т. е. в Восточной Пруссии. В Западной или польской Пруссии, где немецкое влияние было слабее, этот процесс происходил несколько позднее, вероятно лишь с того времени, как заселенные меннонитами польские земли перешли во владение Пруссии и в школах немецкий язык сделался обязательным. За это, по крайней мере, говорит то обстоятельство, что еще в 1750 г. во всех меннонитских общинах в Польше богослужения совершались на голландском языке ¹⁾, а в городе Данциге, который был присоединен к Пруссии лишь позднее, в 1793 г., у меннонитов проповеди читались на голландском языке даже еще в 1790 году, т. е. после переселения первых меннонитов в Россию ²⁾.

Разговорным языком меннонитов и поныне остался тот платдейч, который мало отличается от прежнего их языка и поэтому, вероятно, так легко ими был усвоен. Богослужбным же и литературным их языком теперь является исключительно литературный немецкий язык.

Это последнее обстоятельство вводит многих, не знающих истории меннонитов, в заблуждение и дает им повод ошибочно считать меннонитов немцами. Но ведь язык не всегда и не обязательно совпадает с национальностью. Ведь в русских городах живет много потомков настоящих немцев, совершенно не знающих немецкого языка; вполне аналогичное явление, только в гораздо большем масштабе, наблюдается в Америке. С другой стороны в России есть немало колонистов не немецкого происхождения, которые однако говорят теперь по-немецки.

-----
¹⁾ С. Н. Wedel, Abriss der Geschichte der Mennoniten, том III, стр. 80.

²⁾ Р. М. Friesen. Die Alt-Evangelische Mennonitische Bruderschaft, Halbstadt 1911, стр. 39. — В России меннониты окончательно утратили голландский язык, сохранились только в некоторых, меннонитских семьях старые голландские книги: библии, катехизисы, песенники и др.

Так, напр., в 1765 году на правой стороне Волги, на речке Россош была основана колония Россоши, населенная первоначально одними французами; на левой [луговой] стороне Волги, при р. Малом Карамане находится шведская колония Звонаревка, а в Херсонской губернии и уезде, недалеко от гор. Берислава, на правом берегу Днепра, расположено целых 4 колонии [Альт-Шведендорф или Старо-Шведская, Клостердорф или Костирка, Мюльгаузендорф и Шлангендорф или Гадючная], населенная первоначально шведами и образовавшая прежде шведский колонистский округ; на Кавказе близ гор. Пятигорска находится колония Каррас, где вначале жили шотландцы, и т. д. Все эти колонисты совершенно позабыли свой первоначальный родной язык, о котором свидетельствует лишь народное предание и сохранившийся, быть может, кой у кого старые книги, и говорят теперь между собою на немецком языке.

В указанных случаях, вероятно, сильное влияние оказывали окружающая среда и смешение с нею; но относительно меннонитов этого сказать нельзя. Если уж язык их, в силу внешних условий, переменялся, но о смешении в сколько-нибудь значительном объеме у них не может быть и речи, потому что они, вследствие своего исключительного положения, всегда жили обособленно, и принятие в число меннонитов посторонних лиц в Пруссии строго воспрещалось¹⁾, а в России принятие лютеран и вообще протестантов хотя и не запрещалось, но было обставлено такими невыгодными условиями, что вряд ли были случаи такого перехода лиц мужского пола²⁾. Сами же меннониты даже еще вначале в России [известны случаи из 20-х годов прошлого века] исключали из своего братства тех, которые вступали в брак с лицами не меннонитского вероисповедания, независимо от их национальности. Они поэтому в общей массе остались теми, кем они были, а история вполне

¹⁾ Chr. Hege, Kurze Geschichte der Mennoniten; стр.)(Klassen Geschichte etc., стр 250.

²⁾ Переход колонистов-лютеран — в виду имеются конечно мужчины — в меннонитское братство допускалось только под тем условием, чтобы они по переходе не пользовались правами и преимуществами меннонитов, а оставались <навсегда при платеже всех тех податей и повинностей, какие та колония, из которой перейдет колонист, исправлять будет> [Распоряжение М. В. Д. от 29 мая 1820 г. за № 306]. Поэтому меннониты отказывали колонистам в приеме, уже из чисто практических соображений, чтобы избежать путаницы в раскладке податей [Донесение Молоч. окр. приказа от 19 сентября 1842 г. за № 698]. — С введением всеобщей воинской повинности это ограничение для вновь принятых лиц мужского пола было распространено и на льготу меннонитов по отбыванию воинской повинности.

ясно и определенно говорит нам, что первобытной родиной меннонитов являются Нидерланды и что их по национальности, следовательно, можно считать только голландцами.

В подтверждение вышесказанного можно привести, кроме имеющихся уже в книге, еще целый ряд доказательств. Из официальных документов, относящихся сюда, следует указать на грамоты польских королей. В грамоте короля Августа II, от 18 октября 1732 года, сказано, что меннониты из Голландии были приглашены в страну польскими королями, а король Ян Казимир в своей грамоте даже прямо называет их голландцами.

На голландское происхождение меннонитов Западной Пруссии, потомки которых впоследствии переселились частью в Россию, указывается и во всех научных трудах по истории меннонитов, так что оно не подлежит никакому сомнению. Как пример привожу здесь в переводе на русский язык выдержку из книги барона Рейсвитца и профессора Вадцека: “Настоящие приверженцы учения Меннона прибыли в [Западную] Пруссию в 1540—1549 году, и именно из Нидерландов. Это их голландское происхождение доказывают их имена и фамилии [в числе меннонитов есть многие потомки известных голландских дворянских фамилий], родство и порядок наследования, даже теперь [книга издана в 1821 г.] еще не исчезнувшее знание голландского языка и употребление голландских учебных и назидательных книг, главным образом же голландский нрав и образ жизни, а также способ ведения сельского хозяйства у меннонитов, хотя столетия и сожителство с народом

другого племени многое в этом изменили и вызвали местные особенности. Важное доказательство голландского происхождения меннонитов Пруссии заключается и в том, что голландский язык первоначально употреблялся духовными наставниками меннонитов в их богослужебных собраниях. Этот язык в Данциге был в употреблении при богослужениях еще в 1780 году [по другим источникам еще даже в 1790 г.]. Наконец, долгое время продолжалась переписка между прусскими и голландскими общинами, поддерживавшая связь между ними”¹⁾).

Частное свидетельство о происхождении меннонитов мы находим в письме откомандированного для вызова меннонитов в Россию коллежского асессора Г. Траппе к вице-канцлеру графу Остерману, от 22 апреля /3 мая 1788 года из Амстердама, в котором он, между прочим, пишет: . . . “В течение 11 дней, которые я здесь [в Голландии] нахожусь, я не щадил усилий, чтобы быть полезным, имел при этом хороший успех, и дело дошло до того, что будет созван синод меннонитского духовенства под предлогом изыскания подходящего средства к соединению и слиянию в одну согласную общину эмигрирующих в Россию данцигских меннонитов, которые все в лице их предков происходят из Голландии”...2)— “Траппе удалось заручиться посланиями голландских меннонитов к меннонитским старшинам в Данцига [от 4/15 мая 1788г.] и сверх этого “очень трогательным” письмом [от 20/31 июля 1788 г.] ко всем переселяющимся в Россию меннонитам в совокупности”²⁾).

Так как обитающие в настоящее время в России меннониты вышли именно из Западной Пруссии, то все вышесказанное относится в полном объеме и к ним.

-----
¹⁾ Beiträge zur Kenntnis der Mennoniten-Gemeinden in Europa und Amerika, statistischen, historischen und religiösen Inhalts. Herausgegeben vom Freiherrn von Reiswitz und vom Professor Wadzeck. Berlin 1821, стр. 19.

²⁾ Проф. Г. Писаревский, Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в., издание Московского Археологического Института, Москва 1909; стр. 325.

Поэтому вполне понятно, почему в России первоначально — да отчасти и по настоящее время — меннонитов отличали от немецких колонистов. В книге А. Клауса “Наши колонии”, вышедшей в 1869 году, на стр. 21 приведено письмо герцога Ришелье, военного губернатора херсонского, к министру внутренних дел, от 1806 г., в котором меннониты прямо противопоставляются немцам. К этому письму автор книги делает следующее примечание: “Термин “немецкий” не относится до меннонитов, которые составляют совершенно отдельную категорию поселенцев. Это замечание просим иметь в виду и впредь, так как настоящее различие между немецкими колонистами и меннонитами усвоено и официальными актами и нами”.

Не следует думать, что российские меннониты теперь только вспомнили о своем голландском происхождении. Они, правда, никогда особенно его не выдвигали, да и не было никакой надобности в этом, но в их среде это сознание всегда жило, а по временам выходило и наружу. Так, напр., во время войны англичан с бурами в южной Африке [1899 — 1902] у меннонитов очень много говорилось о их голландском происхождении и их родстве с бурами; они даже очень охотно сами называли себя “бурами” [“Buren” на народном наречии означает Bauern, т. е. крестьяне, земледельцы] и с живейшим интересом следили за ходом военных событий в южной Африке.

Можно указать и на то, что российские меннониты очень давно имеют свою миссию в голландских колониях [Ява и Суматра] совместно с меннонитами Голландии, и их миссионеры, отправляемые туда, обыкновенно получают или же, по крайней мере, заканчивают свое образование в Голландии. Годовые отчеты этой миссии печатаются на голландском и немецком языках.

Меннониты в Пруссии.

Одновременно с меннонитами, переселившимися около 1540 г. в польскую “Западную Пруссию”, незна-

чительная группа их поселилась и в так наз. “Восточной [или княжеской] Пруссии”. Эта страна находилась в то время в ленной зависимости от Польши и управлялась герцогом [прежним маркграфом] Альбрехтом Бранденбургским. В 1660 г. она была освобождена от вассальной зависимости от Польши и сделалась самостоятельной.

В Восточной Пруссии меннонитам, однако, не удалось прочно осесть. Уже в 1559 г., т. е. вскоре после их появления, герцог Альбрехт издал указ о их выселении, но указ не был приведен в исполнение, и меннониты остались там.

Когда же в 1701 году Пруссия была провозглашена независимым королевством, то меннонитам уже там не стало места. Ведь королевство Пруссия с самого начала своего существования была страной милитаризма, где “война составляла национальную индустрию” [проф. Виппер]. Милитаризм же совершенно не вяжется с религиозными убеждениями меннонитов, отрицающих вообще войну; поэтому события и не заставили себя ждать. Второй король Пруссии, Фридрих Вильгельм I [1713—1740], известный в истории под названием “короля солдат”, очень увеличил военные силы Пруссии и особенно заботился о своей гвардии, для которой ничего не жалел. Его вербовщиками осенью 1723 года было захвачено в Литве и несколько человек из меннонитов, и когда меннонитские общины заявили протест, ссылаясь на обещанную им свободу от воинской повинности, то разгневанный король приказал им выселиться из его страны. Вследствие этого почти все меннониты из Пруссии перешли тоже на польские земли. Этот указ короля был направлен против сельских жителей-меннонитов; горожан же пока не тревожили. Но когда в 1730 году, во время следствия против унитариев, королю было представлено неблагоприятное мнение и о меннонитах, то король, пользуясь случаем, издал 22 февраля 1732 года новый указ о выселении, в трехмесячный срок, всех вообще меннонитов из его земель, чтобы на их место поселить

других христиан, не отказывающихся от военной службы. Многие из меннонитов тогда покинули негостеприимную страну; около ста семейств выехало обратно в Голландию¹⁾. Это побудило голландское правительство вступить за меннонитов, да и правительственные учреждения самой Пруссии защищали их перед королем, указывая на их большие заслуги. Благодаря этому, указ не был проведен во всей своей строгости, король даже разрешил жившим в Кенигсберге 17 меннонитским семействам оставаться в городе, но с тем условием, чтобы они завели фабрики материй и шерстяных изделий.

Окончательно указ был отменен лишь по вступлении на престол Фридриха II, декларацией от 14-го августа 1740 года. Понятно, что к этому сроку в Пруссии осталось лишь очень немного меннонитов.

Таким образом, меннониты — за самыми незначительными исключениями — все жили на польской земле и оставались польскими подданными вплоть до первого раздела Польши, при короле Станиславе Понятовском, в 1772 году, по которому вся “Западная Пруссия”, за исключением городов Данцига и Торна с их округами, была присоединена к королевству Пруссии. Города же Данциг и Торн достались Пруссии только по второму разделу Польши, в 1793 году, следовательно и меннониты, жившие в этих городах с их округами, только с этого времени стали прусскими подданными.

В 1772 г. в Пруссии королем был Фридрих II [1740—1780], который отличался веротерпимостью и поэтому меннонитов не притесняли. Когда 27-го сентября 1772 года меннониты присягнули прусскому королю, они представили свои польские привилегии и просили новое правительство подтвердить их, главным образом относительно свободы веры и освобождения меннонитов от воинской повинности. Это и было сделано королем, грамотой от 29-го марта 1780 года, которой за меннонитами были укреплены на вечные времена освобождение

-----
¹⁾ Wedel, Abriss der Geschichte der Mennoniten, том III, стр. 77.

от воинской повинности и свободное отправление своей веры, под условием, чтобы они, как верные и прилежные подданные, исправно платили подати, несли земские повинности наравне с другими подданными и вносили ежегодно 5000 талеров на содержание кадетского училища в г. Кульме. Такое доброжелательное отношение к меннонитам продолжалось, однако, не долго. Со смертью Фридриха II, в 1786 году, прусская политика по отношению к меннонитам резко изменилось: новый король Фридрих Вильгельм II 24 апреля 1787 года, правда, подтвердил привилегию от 29 марта 1780 года, но — с “ограничительною прибавкою”, и с этого времени меннонитов стали подвергать различным притеснениям и ограничениям, напр. лишили их права приобретать земельную собственность, за личное освобождение от воинской повинности требовали с них непосильные суммы и проч.

Переселение меннонитов в Россию

Все эти меры преисполнили меннонитов сильною тревогою за будущее и заставили их, хотя выселение из прусских владений строго воспрещалось ¹⁾, подумать о приискании новой, более гостеприимной страны.

То же самое можно сказать и относительно данцигских меннонитов, которым также угрожала опасность со стороны Пруссии. “Если часть коренного населения Данцига и его округа могла еще раз считывать на луч-

-----
¹⁾ Еще в 1721 году прусский король Фридрих Вильгельм I, указом воспретив кому бы то ни было из своих подданных эмигрировать, угрожал смертною казною за склонение крестьян к эмиграции; за задержание эмигранта назначено было денежное вознаграждение, простиравшееся до 200 талеров. — По публикации манифеста Екатерины II, от 22 июля 1763 г., во всех прусских пограничных местах обретающимся командам было повеленно накрепко осматривать и расспрашивать всех выходящих и выезжающих из королевских областей людей; а земским в провинциях советникам [ландратам] строжайше было предписано наблюдать, чтобы выходцев из их уездов отнюдь не было, и что они в том ответственны должны [Писаревский, из истории иностр. кол. в России, стр. 71—72] — Чтобы не иметь неприятностей, Траппе, вызыватель колонистов и меннонитов, соблюдал всякие <предосторожности> в руководствовании, между прочим, правилом <отнюдь не принимать никаких прусских уроженцев, а отказывать таковым>. [Там же, стр. 274.] Впоследствии прусское правительство разрешило выселение, но только меннонитам.

шение своего положения в случае перехода Данцига под власть Пруссии, что, по общему тогда убеждению, скоро ли, долго ли должно было случиться, то для данцигских меннонитов эта перемена подданства представлялась “фатальной катастрофой”: их пугал полицейско-милитаристический характер прусского государства, они с ужасом думали о “прусском ярме” и имели для этого свои основания. Их единоверцы, перешедшие по первому разделу Польши под власть Пруссии, рано стали подвергаться там ограничениям своих прав”¹⁾).

В это тревожное время меннониты узнали о Высочайшем Манифесте русской императрицы Екатерины II, приглашавшей иностранных переселенцев в южнорусские степи. Манифеста был издан 22-го шля 1763 года, и в нем говорилось:

“Мы, ведая пространства земель Нашей Империи, между прочаго усматриваем наивыгоднейших к населению и обитанию рода человеческого полезнейших мест, до сего еще праздно остающихся, не малое число, из которых многия в недрах своих скрывают неисчерпаемое богатство разных металлов; а как лесов, рек, озер и к коммерции подлежащих морей довольно, то и к размножению многих мануфактур, фабрик и прочих заводов способность великая. Сие подало Нам причину в пользу всех Наших верноподданных издать манифест 1762 г. декабря 4 дня; но как в оном Мы о желающих из иностранных в Империи Нашей селиться, соизволение Наше вкратце объявили, то, в пополнение онаго, повелеваем всем объявить следующее учреждение, которое Мы

-----
¹⁾ Проф. Писаревский, Из истории иностр. кол. в России, стр. 293.— Автор здесь ссылается на письмо Г. Траппе к князю Потемкину, от 7 февраля 1787 года, где, между прочим, сказано: ...<вполне достоверно, что ныне царствующий король имеет более, чем когда-либо, значительную партию в Данциге, которая открыто говорит о своем намерении оставить польского короля и подчинить город прусскому королю. Крестьяне и в особенности меннониты, эти добрые земледельцы, сильно боятся этой фатальной катастрофы, питая отвращение к прусскому ярму, — вот почему они обнаруживают столь сильное желание отправиться для водворения в наши губернии>... Там же, стр. 288,

наиторжественнейше учреждаем и исполнять повелеваем.

I. Всем иностранным дозволяем в Империю Нашу въезжать и селиться, где только пожелают, во всех Наших губерниях.

II. Такие иностранные могут приезжать и являться не только в резиденции Нашей в учрежденной на то канцелярии опекунства иностранных, но и в прочих Империи Нашей пограничных городах, где кому способнее у губернаторов, а где оных нет, то и у главных городских начальников.

III. Если в числе иностранных, желающих в Россию на поселение, случатся и такие, которые для проезда своего не будут иметь довольного достатку, то оные могут являться у министров и резидентов Наших, находящихся при иностранных дворах, от коих не только на иждивении Нашем немедленно в Россию отправлены, но и путевыми деньгами удовольствованы будут.

IV. Коль скоро прибудут иностранные в резиденцию Нашу и явятся в канцелярии опекунства или в другой какой пограничный Наш город, то имеют объявить решительное свое намерение, в чем их желание состоит, записаться-ль в купечество или в цехи, и быть мещанином, и в котором городе, или поселиться колониями и местечками на свободных и выгодных землях для хлебопашества и других многих выгодностей, то все таковые, по их желаниям, немедленное о себе определение получают; где-же и в которых именно местах в Империи Нашей свободные и удобные к населению земли находятся, из последующаго реестра видимо, хотя еще и несравненно более объявленного числа пространных земель и всяких угодий есть, на коих также позволяем селиться, кто только и где из оных для пользы своей сам изберет.

V. Как скоро кто из иностранных прибудет в Империю Нашу на поселение и явится в учрежденной для оных канцелярии опекунства или в прочих наших пограничных городах, то во первых объявля, как выше сего в IV пункте предписано, о желании своем, имеет потом всякой учинить по вере своей и обрядам обыкновенную о подданстве Нам в верности присягу.

VI. Но чтоб все желающие в Империи Нашей поселиться иностранные видели, сколь есть велико для пользы и выгодностей их Наше благоволение, то Мы соизволяем:

1) всем прибывшим в Империю Нашу на поселение, иметь свободное отправление веры по их уставам и обрядам беспрепятственно, а желающим не в городах, но особыми на порожних землях поселиться колониями и местечками, строить церкви и колокольни, имея потребное число при Том пасторов и прочих церковнослужителей, исключая одно построение монастырей: напоминая однакож при Сем, чтоб из живущих в России в христианских законах никто и никого в согласие своей веры или сообщества ни под каким видом не склонял и не привлекал, под страхом всей строгости наших законов, изъемя из сего разнаго звания находящихся в магометанском законе, прилежащих к границам Нашей Империи народов, коих не только благопристойным образом склонят в христианские законы, но и всякому крепостными себе учинит позволяем;

2) не должны таковые прибывшие из иностранных на поселение в России, никаких в казну Нашу податей платить и никаких обыкновенных ниже чрезвычайных служб служить, равно постоев содержать, и словом заключить, от всяких налогов и тягостей свободны следующим образом, а именно: поселившиеся многими фамилиями и целыми колониями на праздных местах тридцать лет, а желающие жить в городах, тоже в цехи и купечество записываться в рези-

денции Нашей в С.-Петербурге, или близ оной в лежащих местах Лифляндских и Эстляндских, Ингерманландских, Корельских и Финляндских городах, также в столичном г. Москве — пять лет; в прочих губернских, провинциальных и других городах десять лет, но сверх того, еще каждому прибывшему в Россию не для временного пребывания, но и на поселение, свободную квартиру на полгода;

3) всем иностранным, прибывшим на поселение в Россию, учинено будет всякое вспоможение и удовольствие; склонным к хлебопашеству или другому какому рукоделию, и к заведению мануфактур, фабрик и заводов, не только достаточное число отведено способных и выгодных к тому земель, но и всякое потребное сделано будет вспоможение по мере каждого состояния, усматривая особливо надобность и пользу вновь заводимых фабрик и заводов, а наипаче таких, коих до ныне в России еще не учреждено;

4) на построение домов, на заведение к домостроительству разнаго скота, на потребные к хлебопашеству и к рукоделию всякие инструменты, припасы и материалы выдавано будет из казны Нашей потребное число денег без всяких процентов, но с единою заплаатою, и то по прошествии десяти лет, в три года по равным частям;

5) поселившимся особыми колониями и местечками, внутреннюю их юрисдикцию оставляем в их благоучреждение, с тем, что Наши начальники во внутренних их распорядках никакого участия иметь не будут, а впрочем обязаны они повиноваться Нашему праву гражданскому. Если же иногда сами пожелают от Нас иметь особую персону для опекунства, или для безопасности своей и охранения, пока с соседственными жителями опознаются, с доброю дисциплиною воинской салвогвардии, то им дано будет;

6) всякому желающему иностранному в Россию на поселение, позволяем имение свое ввозить, в чем бы оное ни состояло, без всякаго платежа пошлин, с тем однакож, что оное для его собственного употребления

и надобности, а не на продажу. А если-жь таковой, сверх своего употребления, привезет что либо в товарах и на продажу, то не более беспошлинно ввезти позволяем, как по цене до трех сот рублей каждой фамилии, с тем, когда они в России не меньше десяти лет пробудут; в противном же случае за те при возвратном проезде взыскивать ввозные и вывозные настояния пошлины;

7) поселившиеся в России иностранные, во все время пребывания своего, ни в военную, ниже в гражданскую службу противу воли их определены не будут, кроме обыкновенной земской, и то по прошествии предписанных льготных лет; а буде кто пожелает самоизвольно вступить в военную службу, в солдаты, такому дастся, при определении в полк, тридцать рублей в награждение, сверх обыкновеннаго жалованья;

8) явившиеся иностранные в учрежденной для их канцелярии опекунства или в прочих пограничных Наших городах, коль скоро объявят желание свое ехать на поселение внутрь России, то даны им будут как кормовые деньги, так и подводы, безденежно до намереннаго им места;

9) кто из поселившихся в России иностранных заведет такая фабрики, мануфактуры и заводы, и станет на оных делать товары, каких до ныне в России не было, то позволяем оные продавать и отпускать из Нашей Империи десять лет без всякаго платежа внутренней, портовой и пограничной пошлины;

10) если же кто из иностранных капиталистов, собственным своим иждивением, заведет в России фабрики, мануфактуры и заводы, таковому позволяем покупать надлежащее число к тем мануфактурам, фабрикам и заводам крепостных людей и крестьян;

11) поселившимся в Империи Нашей иностранным колониями и местечками позволяем устанавливать, по собственному их благоразсуждению, торги и ярмарки, без всякаго побора и платежа пошлин в казну Нашу.

VII. Всеми предписанными выгодами и учреждением пользоваться имеют не только приехавшие в Империю Нашу на поселение, но и оставшиеся дети и потомки их, хотя-бъ оные и в России рождены были, считая число лет со дня приезда их предков в Россию.

VIII. По прошествии вышеописанных льготных лет, повинны будут все поселившиеся в России чужестранные платить обыкновенныя без всякой тягости подати, и службы земския нести, как и прочие Наши подданные.

IX. Напоследок, буде-бъ которые из поселившихся и вступивших в Наше подданство иностранных пожелали выехать из Империи Нашей, таковым всегда свободу даем, с таким однакожъ притом изъяснением, что они повинны изо всего благонажитаго в Империи Нашей имения отдать в казну Нашу, а именно: живущие от одного года и до пяти лет — пятую часть, а от пяти и до десяти и далее — десятую, и потом отъехать, кто куда пожелает, безпрепятственно.

X. Ежели же некоторые из чужестранных, желающих на поселение в Россию, по каким особливым причинам, еще других, сверх предписанных, кондиций и привилегий востребуют, то о том могут они в учрежденную Нашу канцелярию опекунства иностранных, письменно или персонально, адресоваться, от коей Нам обо всем с подробностью донесено будет, и Мы тогда, по обращению обстоятельств, толь склоннее решение учиним, какого они от Нашего праводущия надеяться могут. Дан в Петергофе 1763 г. июля 22-го дня, Государствования Нашего во второе лето¹⁾.

Так как с того времени, как Петр Великий в Голландии убедился в трудолюбии меннонитов и поближе с ними ознакомился, чему содействовало и то обстоя-

-----
1) А. Клаус, Наши колонии, стр. 7—9.

тельство, что его лейб-медик, Николай Бидлоо¹⁾, был меннонит, — у русского правительства меннониты стояли на хорошем счету, то оно, по словам А. Клауса, давно желало склонить меннонитское братство к колонизации Новороссии. Теперь вновь обратил внимание императрицы на меннонитов русский фельдмаршал Румянцев-Задунайский, побывавший у них в семилетнюю войну и видевший их “рачительное и успешное прилежание к скотоводству”.

И вот, в августе месяце 1786 года в городе Данциг, находившийся тогда еще под властью Польши, прибыл посланник русского правительства, коллежский ассессор Георг Траппе, для вызова меннонитов в Россию. Сам Траппе высоко ценил меннонитов, “которые весьма искусны в сельском хозяйстве, очень знаючи в скотоводстве и для России особливо были бы полезны”; поэтому он всю душою предался своему делу. Зная основательно разговорный язык меннонитов — плать-дейчь, ему нетрудно было приобрести их доверие,

¹⁾ Николай Бидлоо был голландец и родился в Амстердаме. Его отец, Готфрид-Роберт В., был профессором медицины и анатомии в Лейденском университете. Получив степень доктора медицины в Лейдене, Николай В. был приглашён Петром Великим на должность лейб-медика и приехал в 1703 году в Москву. Он был умный, образованный по тому времени и прекрасный администратор с настойчивым характером. Придворная жизнь с вечными кутежами не могла удовлетворить его, и он под предлогом болезни просил Петра сложить с него звание лейб-медика и просил об открытии госпиталя с медицинской школой. И вот в 1706 году лукавом Петра I повелено было построить за рекою Яузой против немецкой слободы госпиталь по плану, представленному Петру доктором Бидлоо, при чем при попечении помощника Петра в деле просвещения, боярина Мусина-Пушкина, госпиталь был открыт в следующем году с ботаническим садом, в котором Петр сам собирал растения, нужные для составления лекарств. Так создалась первая в России медицинская школа, которая была первообразом русского медицинского факультета. В продолжение 30 лет Бидлоо состоял её инспектором и профессором анатомии и хирургии. Все заботы о госпитале и школе были предоставлены ему безконтрольно. Преподавание производилось на латинском языке. Медицинская школа выпускала военных врачей с званием лекаря и - подлекаря, а высшее ученое звание, как и в настоящее время, было “доктор”. Эту ученую степень в то время получали по защите диссертации [которая писалась на латинском языке] только командированные за границу. — Плодотворная деятельность Николая Бидлоо оказала величайшую услугу образованию множества лекарей, которые с честью служили для армии и флота. Умер Бидлоо в 1736 году в Москве. [По очерку “Эволюция медицины на Руси за три века> д-ра Горчаренко, напечатанному в “Издании в память 300-летия царствования Державнаго Дома Романовых”].

чем успех его дела был обеспечен. Прежде всего он распространял среди меннонитов Высочайший манифест 22 июля, а затем лично беседовал с ними и разъяснял им содержание манифеста. Меннониты благоговейно усмотрели в этом приглашении глас Божий, и многие изъявили желание последовать зову русской императрицы.

Как люди, вполне серьезно смотревшие на предпринимаемый ими шаг и не удовлетворенные тем, что было сказано в манифесте, они решили предварительно отправить из своей среды уполномоченных в Россию, чтобы получить точные сведения о тех землях, которые им будут отведены для поселения, и чтобы путем непосредственных переговоров с русским правительством окончательно установить условия их водворения в России. Уполномоченными или депутатами от 270 менонитских семейств, изъявивших желание переселиться в Россию, были избраны Яков Геппнер и Иоганн Бартч, которые осенью того же 1786 года и отправились в Россию.

По выборе места для поселения, что Потемкин предоставил самим депутатам, эти последние, пользуясь предоставленным пунктом X манифеста правом, представили 22 апреля 1787 года в 20 “просительных статьях” условия, на которых их доверители согласны водвориться в Россию, и просили Потемкина исходатайствовать у императрицы “утвердительную грамоту” на эти статьи и затем отпустить их, депутатов, на родину в Данциг. Но Потемкин в это время всецело был занят приготовлениями к приему императрицы, совершавшей свое знаменитое путешествие в Новороссию и Крым, вследствие чего дело затянулось. Зато депутаты имели счастье быть представлены 2 мая 1787 года в Кременчуге императрице. Екатерина милостиво приняла их и обещала им, а равно и всем данцигским меннонитам, которые пожелают переселиться в Россию, свое покровительство и благоволение. По желанию императрицы депутаты должны были присоединиться к царской свите для участия в путешествии Екатерины по Крыму.

Лишь по окончании этой поездки Потемкин, наконец, рассмотрел “просительные статьи” меннонитских уполномоченных и 5-го июля дал на них свои резолюции, получившие впоследствии утверждение императрицы. Эти “просительные статьи”, на основании которых меннониты и переселились в Россию, являются своего рода официальным соглашением или договором между русским правительством и меннонитами, почему и считаем уместным привести их, вместе с “решениями” князя Потемкина, дословно.

“1787 года июля 5-го дня .... [следует обширный титул Потемкина] князь Потемкин-Таврический, рассмотря нижеписанныя представленныя депутатами, присланными от общества данцигских меннонитов, в двух стах семидесяти семьях состоящаго, статьи касательно предприемлемаго ими в Таврическую область переселения, предаю на оныя следующие решительныя положения.

<i>Просительные статьи меннонитов</i>	Решение.
1. Чтоб дозволено было беспрепятственное отправление веры по их церковным положениям и обрядам.	На 1-е. Дозволяется
2. Отвесь: А. Для всякой семьи по 65 десятин напротив города Бериславля, возле реки Конских Вод, по Перекопской дороге	На 2-е. Под лит.- А. Землю отвесь приказано будет.
В. Да противу же Береславля лежащий остров Тавань со всеми обтекающими оной водами и вокруг лежащими островами, на которое по сие время никто указа и плана не иметь; им же необходимо нужны оныя для сенокоса.	Под лит. В. Из сего острова может для них отведена быть некоторая только часть, ибо по деланию там моста чрез Днепр и по многим друг. казенным работам немалая часть онако должна остаться в казенном ведомстве.
С. Полную власть в рыболовле на Днепре и в Конских Водах. доколе их границы распространяются, с	Под лит. С. Предоставлено будет им право пользоваться рыболовлею в

запрещением чужим пользоваться в их границах сею привилегию.	водах, их земли омывающих, на законном основании
Д. Как на вышеописанных землях не находится лесов, им же необходимо нужны оные на топливо, то из состоящих на острове Каир еще не розданных тысячи пятисот десятин всенижайше просят хотя половину Тахо находящихся лесов отдать им на употребление	Под лит. Д. Некоторое небольшое количество для нужного употребления отведено быть имеет.
3. Десятилетнее освобождение от всех податей.	На 3-е. Дается.
4. Чтоб по прошествии 10-ти льготных лет определено и навсегда ненарушимо утверждено было платить погодно за десятину от каждой фамилии по 15 копеек с вечным увольнением от подвод, постою и казенных работ.	На 4-е. Положение сие утверждается, и как скоро урочныя 10 л. минут, то за каждую во владении меннонистов землю казна получать имеет по 15 коп., с увольнением их от подвод, работ и постою, кроме времени проходящих каких-либо команд и содержания в исправности мостов и дорог в своем владении
5. Чтобы всякому из них, кто заблагоразсудить, дозволено было, кроме сельского домоводства, в городах и деревнях наместничества Екатеринославскаго или области Таврической заводить фабрики и другия нужныя для них заведения, равно как и вступать в торговлю и в художеское общество, и чтоб фабрикантам и художникам безпрепятственно и без всяких какихъ-либо податей как в городах, так и в деревнях, позволено было рукоделие свое продавать	На 5-е. Позволяется, но не иначе, как на основании городского положения.

<p style="text-align: center;">6.</p> <p>Чтоб по изданному печатному от 22 июля 1763 года Высочайшему манифесту благоволено было каждой меннонистской семье, которым вспоможение нужно будет для заведения хозяйства, выдать заимообразно 500 рублей с тем, чтоб сия выдача чинилась по прибытии их в город Ригу ежемесячно по 100 рублей, которую сумму, по прошествии льготных лет, в силу Высочайшаго манифеста без процентов в три последующее года они повинны в казну уплатить.</p>	<p style="text-align: center;">На 6-е.</p> <p>Утверждается.</p>
<p style="text-align: center;">7.</p> <p>Чтоб удостоверение о ненарушимой их верности от их и их потомков было принимаемо по обряду их исповедания.</p>	<p style="text-align: center;">На 7-е.</p> <p>Исполнить сие по их обряду.</p>
<p style="text-align: center;">8.</p> <p>Чтоб они и их потомки уволены были в вечныя времена от всякой воинской службы, поелику положения их веры никак им не дозволяют вступать в воинскую службу.</p>	<p style="text-align: center;">На 8-е.</p> <p>От принуждения к воинской службе свободны быть имеют.</p>
<p style="text-align: center;">9.</p> <p>Чтоб по прибытии их из Данцига для каждой семьи все к построению порядочнаго дома по немецкому образцу нужные припасы, так же для всех их вообще дубовый лес на две мельницы и шесть хороших мельничных камней с прочими на две мельницы припасами были-б заготовлены, дабы они, прибывши, с помощью нескольких казенных</p>	<p style="text-align: center;">На 9-е.</p> <p>Дано быть иметь на каждую семью четырехсаженных бревен по 120 и потребное число бревен на две мельницы с шестью камнями.</p>

<p>нужных работников все то сами соорудить могли.</p>	
<p>10. Чтобы каждую семью из принявших намерение переселиться в Россию благоволено было снабдить деньгами на дорожное продовольствие и на провоз.</p>	<p>На 10-е. За провоз их и за дорожное продовольствие заплачено будет.</p>
<p>11. Чтобы всем прибывшим семьям в Российския границы до Бериславля даны были повозки и лошади, и чтобы всякой душе со дня прибытия на сию границу до окончания пути выдано было по 25 копеек.</p>	<p>На 11-е. Повозки и лошади даны будут без излишества, а что принадлежит до денег, то выше 15 лет каждой мужеска и женска полу душе производить по 25, а ниже по 12 копеек.</p>
<p>12. Чтобы из особливого милосердия освободить от возвращения выданных им по 10 и 11 пунктам денег, то-же и за припасы на строение домов их таким образом, чтоб им оных и по прошествии десяти льготных лет не платить, поелику корона немало приобрести пользы тем, что меннонисты хороших фабрикантов и художников с собою приведут, и что они вознаградят в короткое время трудолюбием в земледелии и другими выгодными заведениями все издержанные на них убытки.</p>	<p>На 12-е. Сие зависит от Высочайшаго Ея Императорскаго Величества милосердия ¹⁾.</p>
<p>13. Чтоб им, доколе не построятся дома, очищены были по ту сторону речки Конских Вод порожно стоящия карантинныя строения и даны-б были порядочныя палатки для их домостроителей, а для прочих</p>	<p>На 13-е. Жилища и палатки дадутся, но только на время, что все и должны они потом возвратить. Квартыры также отведутся.</p>

<p>меннонистов показаны-б были несколько жилищ в городе Бериславле.</p>	
<p>14. Чтобы всем меннонистам со дня прибытия в Бериславль до первой жатвы благоволено-б было выдавать на каждую душу по 10 копеек с тем, чтоб по прошествии 10-ти льготных лет в три последующие года оная сумма в казну уплачена будет, но только без процентов.</p>	<p>На 14-е. Утверждается.</p>
<p>15. Чтоб немедленно послано было в Бериславль и Тавриду повеление, дабы на отводимых им землях запрещено было дрова рубить, и чтоб нынешняго же года никакой скот на просимья ими места более был не допускаем, дабы они имет могли довольно травы для собственного своего скота.</p>	<p>На 15-е. Пошлются сии повеления.</p>
<p>16. Как и после их, может быть, многия семьи из меннонистов пожелают переселиться в Россию, то чтобы и они одними с ними пользовались правами и преимуществами и им дозволено было поселиться в тех прекрасных и плодоносных странах, которья депутатов их в удивление приводили, то-есть в Старом Крыму, Феодосии, Бакчисарае и прочих местах, где они сами пожелают и где еще земля не роздана, однако с тем, чтобы им не быть порукою за издержанныя на них деньги, что они исполнять между собою.</p>	<p>На 16-е. Когда пришлются от оных депутаты, то и с ними могут быть учинены постановления сообразно с сими.</p>
<p>17.</p>	<p>На 17-е.</p>

<p>Чтобы всемилостивейше благоволено было к ним вторично с надлежащим наставлением прислать господина Траппа, который склонил и согласил их к переселению в Россию, и которому все их обстоятельства по точности известны. Он же в состоянии отвратить все препятствия, которые им в Данциге в отпуске их случиться могут, и может верное попечение в нуждах их иметь. По прибытии же их в Тавриду, соответственно данному им наставлению, чтобы он был определен [их] директором и представителем, дабы наставлял он их в заведениях их и старался бы об их спокойствии и безопасности.</p>	<p>Определен быть имеет.</p>
<p>18. По прибытии их в Бериславль, чтоб прислан к ним был сведущий немецкой язык и искусной землемер, который бы как всю их землю вообще, так и между каждым из них его собственную часть разделить и отмежевать мог.</p>	<p>На 18-е. Дан быть им еть.</p>
<p>19. Как дальное разстояние Тавриды от отечества их воспрепятствует им забрать с собою разных для посева семян, то чтобы выдано им было для посеяния разнаго хлеба, который они со временем и отдать должны.</p>	<p>На 19-е. Даны будут.</p>
<p>20. Напоследок просят, чтобы при их прибытии в Бериславль строжайше повелено было об них и о имени их, покуда они выстроются, иметь попечение, дабы они обижены, обкрадены и ограбленные не были</p>	<p>На 20-е. Повеление о сем дано будет.</p>

2).	
-----	--

-
- 1) Расход казны на путевые издержки меннонитов был им впоследствии прощен.
  - 2) Г. Писаревский, Из истории иностр. кол. в России, стр. 298 —304.

36-42

7-го сентября 1787 года последовал именной указ императрицы, коим были санкционированы льготы и привилегии, предложенные меннонитам князем Потемкиным, и, кроме того, было дано депутатам обещание, что если общество их удовольствуется льготами и пособиями, изображенными в решении на представленные от них статьи, то получит и “жалованную грамоту за подписанием Ея Императорскаго Величества руки и с приложением государственной печати”.

Снабженные такими документами, уполномоченные Геппнер и Бартч, в сопровождении ассессора Траппе, вернулись поздней осенью 1787 года в Данциг, где появление их после столь долгого отсутствия вызвало среди меннонитов большую радость и оживление. Упавшие было духом снова ободрились, особенно когда узнали о результатах, достигнутых уполномоченными. Кроме того Траппе, котораго императрица назначила “директо-

ром и предстателем” всех меннонитских колоний, которые имелось в виду основать в Новороссии, еще обратился к меннонитам города Данцига и Мариенвердерской низменности с печатным воззванием, в котором приглашал их переселиться в Россию, чтобы “видеть и испытать, что значить, что за чрезвычайное счастье жить счастливо, мирно и спокойно под благодетельным правлением Екатерины, великой и доброй матери отечества” [заглавие этого воззвания было: “Einnötigung der Mennoniten in das Kaisertum Russland” = “Вынуждение меннонитов в империю Россию”]¹⁾.

Вследствие всего этого число желающих эмигрировать в Россию значительно увеличилось, и в первый день нового 1788 года Траппе у меннонитской церкви в Нейгартен собственноручно раздавал “приглашения” явиться лично 8/19 января в здании русского посольства в Данциге, “чтобы предъявить им в подлиннике привилегии и императорский именной указ и чтобы они могли объясняться по своему усмотрению и так, как возбранять нельзя свободным людям, предки которых пришли сюда из Голландии и которые теперь, при их выходе, будут исполнять надлежащее [Praestanda praestieren]”²⁾.

После этого совещания уже начались деятельные приготовления к выезду. “Для прусского правительства было не совсем приятною неожиданностью, когда самые образцовые и зажиточные хозяева королевства — меннониты — стали готовиться к выселению в Россию” [А. Клаус], но приостановить начавшееся движение уже не было возможности.

Весною 1788 года, на основании условий, изложенных в просительных статьях, выехал из Данцига и Мариенвердера первый транспорт меннонитов, в числе 228 семейств. Они в России поселились 8-ю отдельными колониями, однако не около Берислава, как было условлено, а в Екатеринославской губернии и уезде, по правому берегу Днепра, в Хортицком урочище с

-----
¹⁾ D. H. Epp, Die Chortitzer Mennoniten, стр. 42.

²⁾ Там же, стр. 48.

островом того же названия. В 1793—1796 гг. явились новые 118 семейств, по сравнению с первыми более состоятельных, из которых часть раз селилась в существовавших уже колониях, а остальные образовали две новые колонии. Все эти колонии вошли в состав особого округа [волости], названного Хортицким.

Жалованная грамота, обещанная меннонитам еще императрицей Екатериною Великою, была выдана им уже потом императором Павлом I, 6-го сентября 1800 года, и гласит так:

“Божею поспешествующею милостию

МЫ, ПАВЕЛ ПЕРВЫЙ,

Император и Самодержец Всероссийский:

Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Царь Херсониса-Таврическаго. Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский и Подольский, Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогицкий, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Нова-Города, Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея северныя страны, Повелитель и Государь Иверския земли, Карталинских и Грузинских Царей и Кабардинския земли, Черкасских и Горских Князей и иных Наследный Государь и Обладатель; Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голштинский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский, Государь Еверский и Великий Магистр Державнаго Ордена Святого Иоанна Иерусалимскаго, и прочая, и прочая, и прочая.

Снисходя на просьбу водворенных в Новороссийской губернии меннонитов, которые, по засвидетельствованию начальства, отличным трудолюбием и благонравием своим могут быть поставлены в пример прочим

поселенным там иностранцам и тем заслуживают особое внимание, Всемилостивейше восхотели МЫ СЕЮ ИМПЕРАТОРСКОЮ НАШЕЮ жалованною Грамотою не токмо утвердить все их права и преимущества, изъясненные в предварительно заключенных с ними условиях, но, для возбуждения в них вящшей ревности к трудам и рачению к домоводству, даровать им и другия выгоды, заключающиеся в следующих пунктах:

Первое. Подтверждаем обещанную им и их потомкам свободу беспрепятственного отправления веры по церковным их установлениям и обычаям со Всемилостивейшим дозволением в судебных местах принимать от них, есть ли того нужда востребует, присягу по их обыкновению, в одном изустном утверждении состоящую.

Второе. Назначенный каждому семейству по шестидесяти пяти десятин удобной земли, утверждаем им в неоспоримое и вечнопотомственное владение, с тем однако-ж, чтобы из них ни малейшаго участка, под каким бы то видом ни было, без воли учрежден наго над ними начальства в посторонния руки не уступать, не продавать и никаких на то крепостей не совершать.

Третье. Как всем ныне в России пребывающим меннонистам, так и впредь пребывающим Всемилостивейше дозволяем заводить, как в их селениях, так и в городах Нашей Империи фабрики и другия для них нужная ремесла, торговать, в гильдии и цехи вступать и произведения своих работ беспрепятственно продавать, сходственно с Государственными о том узаконениями.

Четвертое. По праву владения в дачах меннонистов позволяем им пользоваться всеми угодьями и рыбною ловлею, варить пиво и уксус, курить хлебное вино, как собственно для своего употребления, так и на продажу в розницу на землях им отведенных.

Пятое. На землях, принадлежащих меннонистам, запрещаем посторонним людям строить харчевни и питейные дома, також откупщикам производить продажу вина и содержать шинки без их согласия.

Шестое. Обнадеживаем ИМПЕРАТОРСКИМ НАШИМ словом, что никто из меннонистов, ныне поселенных и впредь поселяющихся, ниже дети их и потомки, ни в какое время в военную или гражданскую службу без их собственного к тому желания взяты и записаны не будут.

Сьмое. Освобождаем все их селения и дома от всякаго рода постоев и квартирования, исключая того времени, когда где команды проходить будут, в каковом случае поступать по квартирным правилам; равным образом увольняем от всяких казенных работ, с тем однако-ж, чтобы мосты, перевозки и дороги, на их землях находящиеяся, порядочно содержаны были, да и но общему распоряжению участвовали они в содержании почт.

Осьмое. Всемилостивейше жалуем всем меннонистам и их потомству полную свободу и власть распоряжаться собственным своим имением по произволу и благоизобретению каждаго, за исключением однако-же земли, им от казны отведенной, но если кто из них, уплатив весь долг, на нем почитающийся, пожелает выехать из России со всем его имением, то заплатить должен трехгодичную подать с нажитаго в России капитала, сколько онаго по совести его и начальников селения, где он находится, объявлено будет. На таком основании поступать и с имением после умерших, коих родственники и наследники находятся в чужих краях, когда оное, по праву наследства, между ними установленнаго, туда высылаться будет. При сем предоставляем свободу селениям выбирать по собственным своим правилам опекунов над имением малолетних детей, остающихся после умерших.

Девятое. Подтверждаем дарованную им прежде десятилетнюю льготу от платежа податей, распространяя сие и на тех, которые впредь в Новороссийской губернии селиться пожелают; но как ныне по учиненному осмотру найдены они в недостаточном состоянии, по причине бывших в некоторые годы неурожаев и падежа скота, при том-же по тесноте в Хортицком урочище предположено выселить некоторые семейства на другие земли, то во уважение их бедности и неимущества, Всемилостивейше простирая прежде данную им десятилетнюю льготу для тех, кои остаются на местах нынешнего поселения, еще на пять, для переводимых-же на десять лет, повелеваем, дабы по прошествии уже сего времени платили они с отведенной им земли по шестидесяти пяти десятин каждому семейству по пятнадцати копеек с десятины в год, освобождая их в прочем от всяких податей другого рода. Но выданный им в ссуду деньги взыскивать по прошествии означенной льготы с остающихся на месте в десять, а с переселяемых в двадцать лет, по равным частям.

Десятое. В заключение сей ИМПЕРАТОРСКОЙ НАШЕЙ жалованной Грамоты, на права и преимущества меннонистам Всемилостивейше даруемая, повелеваем всем Нашим Военным и Гражданским начальникам и присутственным местам оных меннонистов и их потомков не токмо при спокойном владении принадлежащими им жительствовами, землями и угодьями оставлять и данными от Нас всеми привилегиями пользоваться не препятствовать, но оказывать им во всех случаях всякую помощь, защиту и покровительство.

Дано в городе Гатчине, тысяча восемьсотого года, сентября шестого дня, Царствования Нашего в четвертое, Магистерства же в второе лето.

Павел.
Граф Раstopчин¹⁾).

-----
1) Высочайшая грамота отпечатана в брошюре “Сведения о меннонитах России”; Бердянск 1912 года.

Подлинник этой Высочайшей грамоты хранится в Хортицком волостном правлении, Екатеринославской губернии и уезда.

Эти привилегии были одобрены затем Его Императорским Величеством, Императором Николаем I, 9 ноября 1838 года.

Хотя в 1801 году [декларацией от 5/17 декабря] со стороны прусского правительства ограничительные меры по отношению к меннонитам были смягчены, но последние потеряли доверие к этому правительству, и когда к тому еще они узнали, что их собратья в России пользуются покровительством и благоволением своего правительства и даже получили Высочайшую грамоту, распространяющуюся и на впредь поселяющихся в России меннонитов и их потомков, то среди меннонитов в Западной Пруссии снова возникло большое движение, и в 1803 и 1804 гг. из областей Мариенвердера, Данцига и Эльбинга въехало в Россию, на прежних условиях, еще 342 семейства, из которых часть поселилась в Хортицких колониях, а большинство в Бердянском уезде, Таврической губернии, около реки Молочной. Переселение в эту область, хотя в очень незначительных размерах, продолжалась и в следующие годы, затем с 1817 года, в течение нескольких лет, оно опять усилилось и в общем закончилось приблизительно к 1835 году. В том же году в Молочанский округ прибыло и 68 семейств меннонитов из русской Польши.

Таким образом, меннониты продолжали переселяться в Россию еще и после 1819 года, несмотря на то, что с этого года, как известно, вызов иностранцев “решительно был прекращен”. Это объясняется тем, что это запрещение не было распространено на меннонитов, как видно из отношения г. управляющего Министерством Внутренних Дел к г. управляющему Министерством Иностранных Дел, от 24 января 1820 года за № 48, в котором говорится:

“Ваше Сиятельство в отношении своем ко мне от 16 сего генваря за № 233, по поводу получен

наго Вами от генерального консула в Пруссии Дюфура донесения, что многие из меннонистов намерены в течение наступающей весны отправиться в Новороссийский край, ибо они узнали, что воспрещение колонистам переселяться в Россию до них не касается; изволите требовать уведомления, какое должно дать предписание генеральному консулу Дюфуру, если меннонисты будут просить у него паспортов.

На сие честь имею сообщить Вашему Сиятельству, что ВЫСОЧАЙШЕ утвержденным 18 ноября 1819 г. журналом комитета г.г. министров положено: по уважению отличного трудолюбия и устройства в хозяйствах вообще всех водворенных в Новороссийском крае меннонистов, дозволить выходить к ним собратиям их из Пруссии и селиться им на назначенной для них земле, пока вся она будет заселена.

Но как вообще выход немецким колонистам воспрещен и на собственном их иждивении, то о дозволении выходить меннонистам не должно объявлять чрез наши миссии, а можно частно объявить поселившимся в Южном крае России меннонистам, дабы они заблаговременно могли о сем списаться с своими родственниками, и представили бы о числе желающих вытти в сем 1820 году чрез попечительный комитет Министерству Внутренних Дел, для сношения о пропуске их, с кем следует, с тем однакоже, чтобы число выходящих отнюдь не превышало в год 200 семей, и сколько дозволит принять назначенная для их поселения земля, дабы чрез большой выход не поставить начальство и самих поселенцев в затруднение по устройству их.

О сем ВЫСОЧАЙШЕ утвержденном положении комитета г.г. министров тогда же сообщено было для должного исполнения главному попечителю о колонистах Южнаго края России генераль-лейтенанту Инзову.

Из сего Ваше Сиятельство изволите увидеть, что меннонистам в известном числе семейств выходить в Новороссийский край дозволено; почему, хотя от генерал-лейтенанта Инзова и не получено еще никакого уведомления о меннонистах, желающих переселиться в Новороссийский край к своим собратиям, но принимая в основание означенную ВЫСОЧАЙШУЮ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА волю, я полагаю, что можно разрешить генеральнаго консула Дюфура в выдаче меннонистам паспортов на следование в Новороссийския колонии, с таким однакоже подтверждением и наблюдением, чтобы он, согласно изъясненному положению комитета г.г. министров, выдал в сем году таковых не более как до 200, и притом не иначе, как собственно меннонистам, имеющим в том от их старшин достоверныя свидетельства, а отнюдь не каким-либо другого исповедания или названия переселенцам, и по действительном удостоверении, что люди те приглашаются родственниками или собратиями их, меннонистами же, поселенными в Новороссийских колониях; в противном случае выдачею паспортов должно остановиться до получения уведомления от генерал-лейтенанта Инзова, о чем и не оставляю ему дать знать".¹⁾

Молочанский округ²⁾ был значительно больше Хортицкого, и здесь поселились уже не одни только несостоятельные люди, но не в малом числе и хозяева весьма зажиточные, даже капитальные. Многие продали свое имущество в Пруссии за 30 — 40 тыс. гульденов [гульден приблизительно= 75 коп.], и каждый мог гордиться тем, что честно уплатил установленные 10 процентов с вывозимого имущества, взымавшееся с выезжающих. Среди них было 89 семейств, которые привезли с собою в Россию 10—12 тыс. червонцев наличными деньгами [червонец = 4,45 рубл.] и давали пособия

-----
¹⁾ Засвидетельствованная копия этого документа находится в архиве Гальбштадтского волостного правления.

²⁾ Впоследствии Молочанский округ был разделен на две волости: Гальбштадтскую и Гнаденфельдскую.

своим более бедным собратьям, так что многие от казны не брали никакой ссуды ¹⁾.

Меннониты в России.

Устроившись на новой родине, меннониты немедленно принялись за возделывание края, и “в короткое сравнительно время пустынная местность Молочанского округа наполнилась рощами плодовых, тутовых и лесных деревьев, богатыми нивами и стадами отличной породы скота. — Все, даже противники иностранных колонистов, утверждают, что меннониты трудолюбивы, любят порядок, нравственны и трезвы. Влияние их на окружающих крестьян благотворно”²⁾.

Это влияние сказывалось особенно в подъеме культуры южнорусского земледелия, а пример как общественной, так и личной частной жизни соседей меннонитов благотворно действовал и на развитие общественности и на моральную сторону обитателей русского села [Каменский] ³⁾.

Как в былое время в Польше, так теперь и в России заслуги и успехи меннонитов, особенно в сельском хозяйстве, их трудолюбие и преданность престолу неоднократно были засвидетельствованы в официальных отчетах и документах разными высокопоставленными лицами и даже с высоты Престола. Из таких документов привожу здесь следующие два:

1. “Обществу Меннонитов, поселенных на реке Молочной. По засвидетельствованию Директора третьего Департамента Государственных Имущества, Действительного Статского Советника фон Брадке, об

-----
¹⁾ А. Brons, Ursprung, Entwicklung und Schicksale der Taufgesinnten oder Mennoniten. Norden 1884, стр. 300.

²⁾ Выдержка из энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона.

³⁾ По вопросу о благотворном влиянии меннонитов и других иностранных поселенцев на русских крестьян читатель найдет богатый материал в книге г. Каменского, “Вопрос или недоразумение” стр. 88—130; о Том же свидетельствуют, кроме многократно приведенного Клауса: В. Е. Постников в своем обширном исследовании “Южнорусское крестьянское хозяйство”; А. Афанасьев-Чужбинский в брошюре “Поездка в южную Россию”, 1863 г.; Калагеорги и Балашов в брош. “Экскурса на р. Молочную”, 1873 г.; Г. И. Колесников в брош. “Культурное хозяйство в некультурном крае”, 1908 г.; К. Сайенко в статье “В течение 5 лет” в журн. “Неделя”, № 2 за 1893 г., и др.

отличном устройстве, в котором найдены им колонии Меннонистов, поселенных на реке Молочной, я имел счастье доводить до сведения ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА о похвальном усердии Меннонистов к развитию сельского хозяйства и промышленности и к учреждению общественного и домашнего порядка.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, во внимании к усердию общества Меннонистов и в поощрение их к дальнейшим общепользным трудам, Всемилостивейше повелеть соизволил 3-го минувшего февраля объявить сему обществу Монаршее ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА благоволение.

Получив о сем указ Правительствующего Сената, я с удовольствием объявляю обществу Меннонистов об изъясненном ВЫСОЧАЙШЕМ повелении, будучи уверен, что Молочанские Колонисты, удостоенные сего высокого знака Монаршего внимания к их трудам, — потщатся новыми успехами по части сельского хозяйства и промышленности и сохранением порядка и нравственности доставить мне новый случай свидетельствовать о том пред ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ. Марта 13-го дня 1841 года.”

Подлинное подписали: Министр Государственных Имущества, генерал-адъютант Граф Киселев.

Директор фон Брадке ¹⁾)-

2. Письмо г. министра государственных имущества, графа Киселева, на имя председателя Молочанской комиссии сельского хозяйства и члена-корреспондента Императорской Академии Наук, меннонита И. Корниса ²⁾).

-----
¹⁾ Архив Гальбштадтского волостного правления.

²⁾ Иоганн Иог. Корнис был человек в высшей степени замечательный по бескорыстной энергии, твердости характера, практически ясному уму и нравственной своей силе. Хотя он не имел официального звания— он состоял лишь в должности председателя Молочанской комиссии сельского хозяйства, — тем не менее он оказывал большое влияние на все Новороссийское меннонитское братство. Но его значение не исчерпывается его благотворным воздействием на своих собратьев и его ценным участием в устроении быта колонистов. Его нравственное влияние отражалось

“Почтенный Господин Корнис. В проезде мой чрез Меннонитския колонии я с душевным удовольствием видел благоустройство их и особенно успехи собственного Вашего хозяйства. О сем я доводил до ВЫСОЧАЙШАГО сведения, и ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО изволил отозваться, “что имя Корниса известно Ему как человека достойнаго и полезнаго”.

О таком Всемилостивейшем отзыве мне приятно дать знать Вам, тем более, что Меннониты, стоя выше других и служа примером в хозяйстве для прочих, осуществили этим свое [на]значение; и что дело о довершении просвещения Ногайцев отнесется к похвале их; о чем я тоже имел счастье докладывать ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ.

Все это побуждает меня желать увеличения числа Меннонитов, и я ожидаю прошения о причислении тех из них, о которых Вы говорили мне в Юсупле ¹⁾.

Остаюсь Ваш доброжелательный

Гр. И. Киселев.
22 октября 1841. С.-Петербург”²⁾.

Делами меннонитов наведывала сперва особая “канцелярия опекунства иностранных”, учрежденная в 1763 г. и заседавшая в Петрограде, затем учрежденная около 1800 г. в городе Екатеринославе “опекунская контора”. Около того-же времени законодательным порядком было установлено внутреннее самоуправление

и на соседних ногайцах и русских крестьянах, некоторое число которых образовало особые поселения под его непосредственным руководством. Среди меннонитов Корнис поэтому пользовался большим авторитетом, но и главное местное начальство и также высшее центральное управление относились к нему с полным доверием. Его высокое общественное значение признавал, напр., такой известный государственный деятель, как бывший наш министр государственных имуществ граф Киселев, который награждал Корниса своим уважением и полным доверием, о чем свидетельствует и приводимое письмо [По Клаусу].

¹⁾ Название ошибочное: следует читать <Юшанле>.

²⁾ Подлинник этого письма находится в архиве Молочанской комиссии сельского хозяйства у нынешнего её председателя И. Ф. Вибе в с. Орлове, Тавр. губ

колоний в пределах, приблизительно соответствующих управлению русских крестьянских обществ настоящего времени. Таким образом, для колонистов было создано обособленное положение, “дабы поселенные иностранцы с уездным казначеем и с земским исправником или комиссаром никакого дела иметь не могли” [указ 30 июля 1797 г.]. В это же время, вследствие созданная для колоний обособленного положения, было предписано иметь сношения с колониями “на немецком языке”¹⁾. В 1833 году Екатеринославская опекунская контора [как и Одесская и Бессарабская] была упразднена и для управления всеми южно-русскими поселенцами из иностранных был оставлен “попечительный комитет”, с перемещением в город Одессу.

1871-й год был важным моментом в жизни колоний: законодатель снял с колонистов их обособленное положение, назвал их сельскими обывателями или поселянами-собственниками [см. “Правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов)”, Высочайше утвержденные 14 июня 1871 г.] и подчинил их местным крестьянским учреждениям, действующим по Положению 19 февраля 1861 года.

Не менее важным в жизни специально меннонитов был 1874-й год, когда в России была введена всеобщая воинская повинность и меннониты тоже были признаны подлежащими таковой. Известие об этом вызвало среди них большое беспокойство и возбуждение; многие решились выселиться из России в Америку. [Как известно, меннониты, по своим вековым религиозным убеждениям, отвергают пролитие человеческой крови, основываясь на буквальном толковании нагорной проповеди Христа]. Чтобы сделать последнюю попытку, они осенью 1873 года отправили в Петроград депу-

-----
¹⁾ П. В. Каменский, Вопрос или недоразумение? [К вопросу об иностранных поселениях на юге России]. Москва 1895, стр. 65. — Это предписание, несомненно, много содействовало онемечению тех из иностранных поселенцев, которые собственно ни по языку ни по национальности не были немцами, и для всех их послужило тормазом в усвоении ими русского языка, потому что оно отстранило самый действительный мотив, побуждающий к изучению языка — необходимость пользоваться им.

тацию¹⁾ с всеподданнейшим ходатайством о том, чтобы правительство пощадило их религиозную совесть и освободило их от отбывания воинской повинности в строю. В ответе на это ходатайство человеколюбивый монарх, Император Александр II, откомандировал в Молочанский округ генерал-адъютанта Э. Тотлебена, с широкими полномочиями, для переговоров с меннонитами, так как правительство желало удержать их в России. Обещанием льготы относительно отбывания воинской повинности, в том смысле, что меннониты будут отбывать службу без оружия и никакого соприкосновения с войной и с военным ведомством иметь не будут, а будут привлекаться лишь для такого рода обязательных работ, которые совместимы с их религиозным чувством, — царскому посланнику удалось успокоить меннонитов, так что большинство из них отказалось от мысли о выселении из России, но значительная все-таки часть их [около одной трети] действительно ушла и поселилась в Соединенных Штатах Северной Америки.

Обещания графа Тотлебена целиком были исполнены. Русское правительство, по отношению к меннонитам, показало высокий пример терпимости к чужому религиозному убеждению и обязало их отбывать воинскую повинность на государственных работах, по преимуществу в казенных лесничествах. Вследствие этого меннониты, подлежащие военной службе, в течение срока времени, предназначенного) вообще для отбывания воинской повинности, обязаны, за плату 20коп. в день, работать в казенных лесничествах, под начальством чинов лесного ведомства. Обществам же меннонитских колоний вменяется в обязанность построить казармы для своих единоверцев, отбывающих воинскую повинность, и содержать их на полном своем иждивении. Эта обязанность очень дорого обходится меннонитским обществам — они уплачивают на содержание

-----
¹⁾ По означенному делу до этого было отправлено в Петроград уже целых четыре депутации: первая в 1871 г. вторая и третья в 1872 г. [одна в феврале, другая в сентябре месяце], и четвертая в феврале месяце 1873 г., так что эта последняя депутация по счету собственно была уже пятою.

своего контингента отбывающих воинскую повинность ежегодно около 200 тысяч рублей ¹⁾ — но они в общем охотно и с благодарностью несут эти большие расходы, ибо это дает им возможность оставаться верными духовным заветам своих отцов.

Таким образом, после Долгих лет скитаний и притеснений, меннониты, переселившись в Россию, наконец, нашли себе отечество, которое приютило их как родных детей. “У нас никогда не было отчизны”, говорили они в свое время г. Каменскому, с чувством глубокой благодарности, “впервые мы ее нашли в России; наши деды здесь еще поселились”... — Поэтому им и нетрудно было отрешиться от прежнего своего отечества. Уже Клаус, этот основательный знаток жизни и быта иностранных поселенцев, мог сказать о них, что они, “несмотря на сохранение ими своего языка и веры, давным давно утеряли всякую связь и солидарность с прежними соотчичами своими за границей ²⁾”, а г. Каменский добавляет, что “людей, проникшихся русскими социальными началами, которыми они неуклонно определяют свой быт в течение более 100 лет, можно смело считать русскими уже по этому одному признаку” ³⁾.

Со времени первого их переселения в Россию уже прошло 125 лет; столько-же лет они состоят и в русском подданстве. За это время они пустили глубокие корни в крае, где находятся могилы их отцов и дедов; они сжились и сроднились с ним и чувствуют себя такими-же русскими гражданами, как и все другие верноподданные сыны России, что они многократно дока

-----
¹⁾ Расходы по содержанию лесных команд за последние 6 лет [1908—1913] составляют в среднем 190959 руб. 92 коп. в году; наибольшей до сих пор цифры — 210765 руб. 54 коп. — эти расходы достигли в 1908 году. — В минувшем 1914 году, вследствие того, что те из призванных с начала войны на службу запасных из меннонитов, которые поступили не санитарями, а на лесные, дорожные и проч. работы, содержатся тоже за счет меннонитских общин, расходы по содержанию лесных команд и запасных достигли внушительной суммы в 476772 руб. 78 коп.

²⁾ Клаус в ст. <Община-собственник> в “Вестник Европы”, кн. 3-я, за 1870 г.

³⁾ Каменский, “Вопрос или недоразумение”, стр. 62.

зывали на деле. Во время всех разразившихся над Россией войн они посильно исполняли выпадающий на долю мирных жителей священный долг оказания помощи больным и раненым воинам и призрения семейств призванных на войну, не только крупными пожертвованиями, но и всеми находившимися в их распоряжении средствами, дабы оградить честь и достоинство отечества. А во всех стихийных бедствиях, постигавших нашу родину, они принимали деятельное участие во всеобщей работе по оказании помощи пострадавшим. Богатый материал по затронутым, вопросам можно найти в упомянутой уже книге г. Каменского: “Вопрос или недоразумение”. Чтобы не утруждать читателя перечислением подробностей, я привожу, главным образом по документам, хранящимся в архиве Гальштадтского волостного правления, лишь некоторые, наиболее важные факты и вещественные доказательства.

Участие меннонитов в русских войнах

В 1829 году меннониты Руднервейдского прихода [Молочанского округа] пожертвовали в пользу изувеченных в турецкую кампанию [1828 — 1829] воинов 290 рублей, каковые деньги г. главный попечитель о колонистах Южного края России препроводил в комитета, 18-го августа 1814 года учрежденный [ныне Александровский], доведя о таком похвальном действии меннонитов до сведения г. министра внутренних дел и приказав выразить названному приходу благодарность за благотворительное его пожертвование [Отношение Екатеринославской конторы от 4 марта 1830 г. за № 812].

В 1848 году, во время революционного брожения в Венгрии и вообще в Западной Европе, Молочанский меннонитский окружной приказ и духовные старшины от имени всех меннонитов в особой просьбе изложили свои чувства неизменной приверженности к Престолу и любви КЗ порядку, законами установленному, и ходатайствовали о принятии пожертвованных молочанскими меннонитами для войска 130 лошадей. Об этом министр государственных имуществ 13 сентября 1848 г. имел счастье всеподданнейше докладывать ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР изволил принять с особенным благоволением изъявление чувств меннонитов и повелел объявить им свою ВЫСОЧАЙШЮЮ благодарность, а подвиг их опубликовать [Отношение Министерства Государственных Имущества от 17 сентября 1846 г. за № 521].

Особенно много было сделано меннонитами Молочанского округа в крымскую войну [1853 — 1856], что объясняется тем, что театр этой войны был недалеко от них.

В донесении своем на имя г. председателя попечительного комитета, от 28 января 1854 г. за № 461, Молочанский меннонитский окружной приказ изложил, что меннониты, желая доказать свои верноподданнические чувства и свое участие в страданиях отечества, решили пожертвовать, по добровольной складчине, сумму денег на содержание временных полевых госпиталей и на уход за ранеными воинами, при чем приказ высказал предположение, что по его расчету этих денег может поступить до 7500 руб. — Выслушав об этом всеподданнейший доклад г. министра государственных имущества, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР ВЫСОЧАЙШЕ повелеть соизволил: о принятии этого пожертвования сообщить военному министру, а жертвователям объявить, что ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО с особенным удовольствием изъявляет им свою МОНАРШУЮ благодарность за выраженные добрые чувства и за приношение в пользу раненых и вообще храбрых защитников веры, престола и отечества [Отношение попечительного комитета от 5 апреля 1854 г. за № 2021].

В действительности тогда всего поступило 8500 руб., и за собранные сверх предположенного 1000 рублей 18-го октября 1854 г. последовала вновь благодарность ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА [Отношение попечит. ком. от 12 ноября 1854 г. за № 8371].

Во время прохождения войск через их колонии меннониты оказывали им всякое содействие и пособие.

14-го января 1854 г. Черноморский резервный линейный батальон прибыл в с. Гальштадт, где

нижние чины были угощены хлебом-солью, а г.г. офицерам был дан завтрак. Того же дня батальон следовал дальше на санях в с. Линденау, где переночевал и 15-го января имел дневку. 16-го января он на санях же был доставлен в с. Альтонау, где опять переночевал, а 17-го числа следовал дальше в гор. Мелитополь. Меннониты отказались от какого либо вознаграждения за отведенные для батальона квартиры, за продовольствие и за поставленные сани [Донесение смотрителя колонии от 27 марта 1854 г. за № 1843].

С 22 по 31 марта 1854 г. чрез меннонитские колонии проходила вторая бригада 17 дивизия [Бородинский и Тарутинский егерские полки], для перевозки которых были поставлены в течение 10 дней 1300 подвод, в три и четыре лошади каждая. В это время была сильная распутица и реки Курушан, Юшанле, Арап и Молочная выступили из берегов; поэтому только с трудом и опасностью первые три эшелона этой бригады были доставлены чрез колонии Линденау и Альтонау в г. Мелитополь, при чем при переправах через реки утонуло пять лошадей и было разбито и поломано несколько бричек, которые вода унесла. Окружной бейзитцер Петр Вибе, при переправе через реку Юшанле, чуть было не утонул и спасся вместе с кучером на льдину, с которой только по истечении шести часов был снят меннонитами с. Альтонау. Четвертый же эшелон и обоз нельзя было переправить через реку Юшанле, почему их на подводах доставили обратно в с. Гальбштадт [24 версты] и переправили их через реку Молочную, построив через нее с большим трудом мост на пароме, так как прежний мост снесло водою. Все войско во все время нахождения в колониях безвозмездно было размещено на квартирах у меннонитов, также, продовольствие и корм для обозных лошадей [овес и сено] отпускалось ему безвозмездно. Вся сумма расходов на этот предмет, не считая в том числе никакой платы за поставленные подводы и отведенные для войска квартиры, простиралась до 3000 руб.

Командир Тарутинского егерского полка, генерал-майор Волков, тогда же сделал пожертвование на со-

оружие в с. Гальбштадт, для увековечения этого события, памятника с надписями “Тарутинский Егерский Полк” и “За усердие, оказанное при переправе 30-го и 31-го марта 1854 года, и за отличное гостепреимство”. [Донесение окружного приказа на имя смотрителя колонии от 7 апреля 1854 г. за № 2040]. Означенный памятник стоит в с. Ней-Гальбштадт, на углу Романовского проспекта и Екатерининской улицы, и является нестираемым временем доказательством поведения меннонитов.

На предложения смотрителя колонии от 18-го и 22-го сентября 1854 г. за 1309 и 1330, меннониты изъявили готовность бесплатно выставить в гор. Перкоп. обывательские подводы для перевозки войска. Всех подвод было отправлено туда 344, из которых занимались перевозкою войск: 118 подвод в течение 5-ти недель и 226 подвод в течение 4-х недель.

В городе Симферополе было выставлено в октябре 1854 г. также бесплатно 214 подвод, которые занимались там перевозкою войск в течение 5-ти дней, а всего были в пути 14 дней.

В октябре того же года бесплатно было выслано до Чонгарского моста 262 подводы, которые оттуда доставили в молочанские колонии 769 раненых солдат и всего были в пути 8 дней, и т. д и т. д.

Всем войскам, которые проходили через их колонии, меннониты оказывали радушный прием и гостеприимство и снабжали их всем необходимым, в чем имеется целый ряд “свидетельств”. Вот одно из них, выданное командиром Тарутинского егерского полка, генерал-майром Волковым за № 892:

“СВИДЕТЕЛЬСТВО. 1854 года марта 31 дня дано сие Таврической губернии, Бердянского уезда, колонии Меннонитского братства обер-шуйцу Давиду Фризену в Том, что в проследование чрез колонии и во все время пребывания в них вверенного мне полка, по случаю разлития реки Молочной, с 25-го по 31-е марта,

жителями был оказан воинским чинам отличнейшей прием, при чем добрые хозяева, все без исключения, не щадили никаких средств к доставлению всевозможных удобств своим постояльцам: кофе, чай, завтрак, обед, ужин, сопровождаемые порциями вина, — пиво и вообще все, что только было лучшего в хозяйстве, предлагалось каждому. Заготовленные же вперед в чрезвычайно большом числе подводы служили для перевозки всего полка с обозами от станции до станции, а всевозможное исправление дорог и устройство переправ во время необыкновенного разлития реки Молочной устранили, наконец, препятствия к дальнейшему следованию полка, несмотря на то, что это стоило им больших издержек. Словом, все действия этих колонистов, проявившись в столь искреннем радушии, доказывают совершенную их преданность правительству и готовность служить ему всеми средствами.... В чем свидетельствовать подписанием и приложением полковой казенной печати я считаю за особенное удовольствие. Командир Тарутинского егерского полка Генерал-Майор Волков 2. Полковой квартирмистр штаба капитан [подпись]”¹⁾.

За пожертвования, сделанные меннонитами в пользу войск во время следования оных через Бердянский уезд, они удостоились МОНАРШЕЙ благодарности от ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА [Отношение смотрителя колоний от 23 октября 1854 г. за № 1517], а за оказанное меннонитами содействие к скорейшему передвижению войск в Крым и за пожертвованные ими в пользу войск продукты им была объявлена искренняя благодарность г. главнокомандующим, князем Александром Сергеевичем Меншиковым [Отношение г. начальника Таврической губернии на имя смотрителя колонии от 25-го октября 1854 г.].

-----
¹⁾ Архив Гальбштадтского волостного правления.

Кроме вышесказанного меннониты Молочанского округа за плату доставляли в Крым для войска различных продуктов, провианта и фуража: 3212 возов сена, на 9667 подводах 50286 четвертей провианту, 5718 четвертей овса, 600 четвертей пшена, 1220 пудов лука, хрену и редьки; 392 подводы были заняты более или менее продолжительное время перевозкою больных и раненых Воинов, многие в течение семи месяцев непрерывно, и т. д.

В меннонитских колониях Гальбштадт, Мунтау и Тигенгаген были устроены лазареты на счет сельских обществ, которые готовили на свои деньги и все постельное белье, больничную одежду и перевязочные средства. В этих лазаретах перебивало всего 241 человек. Кроме того, меннониты в начале крымской войны изъявили желание безплатно принимать к себе на квартиры и снабжать всем необходимым продовольствием легкораненых и выздоравливающих воинов, и таковых перебивало в колониях всего 2469 человек.

“Меннониты Хортицкой волости за время крымской кампании пожертвовали в пользу войск деньгами 4517 рублей, а в натуре 2225 пудов сухарей, 236 пудов разных продуктов, 714 четвертей овса и т. д.; кроме того, они безвозмездно служили в качестве подводчиков и на своих фургонах и лошадях перевозили солдат, доставляли провиант и привозили в устроенные ими лазареты раненых воинов, так что их добровольные пожертвования, при оценке на деньги, превышают 60 тысяч рублей” [Каменский].

Поведение меннонитов в крымскую войну, бросавшееся в глаза своим самоотвержением, удостоилось Высочайшего одобрения, вследствие чего они были награждены от имени Его Императорского Величества “выдачею особого документа, который бы служил навсегда доказательством их похвального подвига”. Эти документы являются безсмертными свидетелями поведения меннонитов во время означенной войны. Находящийся в Гальбштадтском волостном правлении документ гласить так:

“Соизволением ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ

НИКОЛАЯ ПЕРВАГО

ИМПЕРАТОРА и САМОДЕРЖЦА ВСЕЯ РОССИИ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, усматривая из представленных ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ сведений, что общества Молочанских меннонитов, по случаю настоящих военных обстоятельств ознаменовали преданность свою денежными пожертвованиями, поставкою значительного числа припасов для войск и подвод для передвижения воинских тяжестей и радушным приемом раненых воинов, которых они вызвались содержать на полном своем довольствии и снабжать госпитальными принадлежностями, ВЫСОЧАЙШЕ повелеть соизволил Министру Государственных Имущества, во внимании к столь примерному усердию обществ Молочанских меннонитов, наградить их, от Имени ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, выдачею особаго документа, который бы служил навсегда доказательством их похвального подвига. Во исполнение таковой ВЫСОЧАЙШЕЙ воли и выдан обществам Молочанских меннонитов сей лист. С.-Петербург, декабря 31-го дня 1854 года.

Министр Государственных Имущества
Генерал-Адъютант Граф П. Киселев
Директор Е. Ган”.

Вполне аналогичный документа, выданный от имени Императора Александра Второго обществам Хортицких меннонитов, от 26-го ноября 1855 г., хранится в Хортицком волостном правлении. Председательствующий в попечительном комитете, в отношении своем на имя Молочанского меннонитскаго окружного приказа от 30 ноября 1854 года за № 143,

дает такую оценку деятельности меннонитов в крымскую войну: “От 10-го числа с. м. оный приказ донес мне об оказанных меннонитами этого округа нашим храбрым войскам повинностях и услугах. На основании сего поручаю окружному приказу объявить нашим добрым меннонитам, что я, хотя все сообщенное уже и раньше было известно Попечительному Комитету и притом с малейшими подробностями, не осмелился в виду столь глубокой их симпатии к общему делу дорогого нашего отечества выразить им свою личную горячую признательность, ибо выразить таковую подобало не мне, а всем верным друзьям отечества, всем сынам России! Поэтому я лишь гордился счастьем быть назначен председателем в Попечительном Комитете, пекущемся о благе находящихся в южной России иностранных поселенцев. Я даже боялся, что оскорблю их своей благодарностью в этом деле, так как оно столь очевидно вытекало из чистейших побуждений их сердец и в их глазах было лишь священным долгом. В настоящее же время со всех концов возлюбленного нашего отечества доходят до меня о них подобные сообщения, и отовсюду я слышу устное восхваление славных услуг, оказываемых ими нашим храбрым войскам, и эти известия дают мне право сим изъявить им — не от своего имени, а от имени всех и каждого, в груди коего бьется русское сердце и кому стали известны их деяния, — братскую глубокую благодарность. Сердца русских всегда были расположены к ним как добрым, полезным поселенцам; ныне же они побратались с ними, слились с ними в одну общую русскую семью. Не стану говорить об убеждении своем, что они доведут до конца столь славно ими начатое, пока дерзкий наш противник не будет вытеснен из преде-

лов страны нашей и пока наши солдаты будут нуждаться в их помощи и содействии. Иностранцы уже показали, кому навстречу бьются их сердца, а голос сердца неизменчив. Всемилостивейший Бог десятирицею воздаст им то, что они теперь жертвуют на пользу отечества.

Председательствующий в Попечит. Комитете

[подпись]”¹⁾.

Яркую характеристику поведения меннонитов и колонистов в крымскую войну дает также один из героев этой кампании, г. Алабин, в своей книге “Четыре войны”. Этот рассказ тем более ценен, что он является непосредственным свидетельством очевидца. Почтенный автор походных записок рассказывает следующее:

“Колонисты вполне довольны своею судьбою: любят новое отечество свое, как любим его мы — мы, его исконные дети — и готовы для него, подобно нам, жертвовать всем добром своим. Это колонисты доказали в настоящую кампанию.

“Одно только подробное исчисление жертв, принесенных колонистами Южной России, особенно меннонитами, было бы красноречивой страницей в истории этих колоний, служило бы живым свидетельством их любви к России, их сочувствия нашему великому делу. Я из опыта знаю несколько таких жертв, но чтобы рассказать о них здесь кстати, я должен опередить свой дневник. В последнем нашем походе в Крым, от границ турецких, мы проходили много колоний и везде находили любовь и привет; нигде не имели ни одного неприятного столкновения с жителями, ни одного случая, который бы говорил не в пользу колонистов.

“Мы становились лагерем по большей части или биваком, довольствовались, разумеется, из котла, но лазареты, разные штабы, конвой — наполняли собою

-----

¹⁾ Подлинник, написан на немецком языке и находится в архиве Гальштадтского волостного правления.

деревни и ни разу не случилось, чтобы жители позволили варить казенную кашу своим постояльцам, — сами их кормили, да еще и на дорогу снабжали куском мягкого хлеба или лепешкой, что очень понутру солдатам: зубы их порядком уже попритупились на сухаре. “От Алешек мы пошли переходами, какими едва-ли важивал своих солдат батюшка Суворов! Быстро движения требовали военные обстоятельства: наших было очень мало в Крыму, особенно Севастополе. Мы не знали даже ночлегов на всем пространстве от Днепра до Черной речки, кроме Перекопа, где нам велели вздохнуть. Мы приходили на станцию, съедали свою кашу и шли дальше. О подробностях этого, может быть, безпримерного похода поговорим после, теперь же я только хочу рассказать, какое участие в этом спешном движении принимали колонисты. Конечно, мы не могли пройти пешком огромного предстоявшего пространства в несколько дней и, прийдя, тотчас быть готовыми в бой, — и вот колонисты, с пространства верст на 500 в окружности, явились в числе более пяти тысяч человек на своих прекрасных фургонах, запряженных парами крепеньких лошадок, и добровольно предложили свои услуги. С их то помощью прокатили в самое короткое время трехсотверстное расстояние весь наш корпус [4-й], три дивизии пехоты, вся артиллерийская прислуга, стрелки и саперы. Целый месяц колонисты стояли по указанным им станциям, подвергаясь всем трудностям, какая только может испытать простой человек, отбившись от дому на несколько сот верст и живя несколько недель преимущественно в открытом поле. Отвозя один полк на станцию, колонисты возвращались, забирали другой полк и везли его опять вперед на одну станцию. Такое путешествие они должны были совершить от 12 до 15 раз, и ни одной станции, самой малой для них, не было меньше тридцати верст. Не легко им было, и что-ж? Кроме ласки с их стороны, кроме доброго слова, кроме братского привета, мы ничего от них не слышали, — кончили добровольно принятую на себя обязанность и, нас же благодаря за ласковое с ними обхождение, поехали по домам.

“Мы были посланы в отряд генерала-от-инфантерии князя Горчакова 1-го, стоявший на Черной речке. Там мы опять имели случаи почувствовать истинную признательность к колонистам. Они на нескольких стах подводах привезли, из дальних колоний, множество всякой всячины — добровольного приношения солдатам: горы картофеля, луку, фасоли, ячменя, овса; солдатам все съедомое выдавалось не в зачет их обыкновенной дачи; зерно роздали артиллерийским лошадям также не в зачет отпускаемого от правительства фуража. Солдатики, лакомясь картофелем, испеченным в золе бивачных костров, отзывались о колонистах с отличной стороны. Но благодарность не одних только благодетельствованных колонистами, а благодарность всего человечества заслужили добрые меннониты поступком, о котором хочу рассказать далее.

“Театр войны, загоревшейся в самых обширных размерах, как всем известно, слишком быстро, силою обстоятельств, был перенесен с берегов Дуная на роскошные берега Салгира. В Крыму не могло быть сделано всех военных приготовлений для такой значительной армии, которая вдруг образовалась на полуострове.

“Битва на Альме, продолжительное бомбардирование Севастополя, дело 13 октября на Чергуне, дело 24 октября на Инкерманских высотах, ежедневная перестрелка и безпрестанная вылазки защитников Севастополя не могли обойтись без большой прибыли наших раненых; если же прибавить к тому самое даже незначительное заболевание людей обыкновенными болезнями и раненых пленных, то делается ясным, что цифра требующих правильного лечения вышла довольно значительною в войсках, собравшихся под Севастополем, а следовательно, чтобы успокоить больных, много было нужно готовых средств, устроенных приютов, кроме медицинских пособий, тщательного ухода, деятельного присмотра. В короткое время ближайший к театру действий город Симферополь наполнился больными; их было необходимо эвакуировать далее, в глубь России.

“Что же делают меннониты Молочных Вод (т. е. Молочанского округа]? На свое полное попечение берут из Симферополя 5000 раненых и больных, увозят их в свои колонии, дают им отличное помещение и пищу по назначению медика. Жены и дочери их принимают на себя священную обязанность сестер милосердия, сами перевязывают их раны, белье свое рвут на корпию и бинты, ходят за страдальцами, как за родными детьми и братьями, и не допускают правительство ни до каких издержек для тех, кого они взяли на свое попечение, — требуют только медиков и лекарств.

“По несколько человек помещено в чистом домике, уложено на мягких постелях в часто переменяемом хозяйском белье, содержится на сытой, здоровой пище, под нежным присмотром женщины. Подумайте, во сколько раз скорее раненые оправятся здесь, чем оправились бы они в атмосфере благоустроеннейшаго из госпиталей! Сколько человек сохранили своим подвигом меннониты для будущих битв!

“Вот как отслужили они матушке России за приют, им дарованный в одном из её лучших уголков, и за благосостояние, котораго элементы найдя в нем, они сумели развить и усвоить”¹⁾).

Во время турецкой войны 1877 —1878 годов меннониты Хортицкого и Молочанского округов содержали на свой счет лазареты для больных и раненых воинов, о чем свидетельствует следующий документ:

“Хортицкому волостному правлению. По поручению господина Начальника губернии, изложенному в предписании от 19-го декабря, за № 3936, даю знать волостному правлению, для объявления поселянам-собственникам, что, по доведении Его Превосходительством чрез господина Министра Внутренних Дел до ВЫСОЧАЙШАГО сведения ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ об объявленной обществом поселян-собственников Хортицкой во-

-----
¹⁾ П. Алабин, Четыре войны, Походные записки, стр. 33 — 34.

лости, Екатеринославского уезда, готовности устроить в общественном саду близ села Хортицы и содержать на свой счет лазарет на 20 кроватей для раненых и больных воинов на все время настоящей войны и, сверх того, принять на полное свое содержание 487 человек, выписываемых для поправления здоровья из местных врачебных заведений больных и раненых воинов, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ повелела благодарить от ВЫСОЧАЙШАГО ЕЯ Имени усердных поселян за добрыя их побуждения. Декабря 23 дня 1877 года. [Подпись уездного исправника”¹⁾).

Меннониты Гальбштадтской волости содержали в турецкую войну в сел. Ней-Гальбштадт на свои средства лазарет на 100 человек больных и раненых воинов, без всякого пособия со стороны казны. С ноября 1877 г. по март 1878 г. в лазарете перебивало 174 человека; Гальбштадтское общество содержало на свой счет всех служащих при лазарете, исключая докторов, исполнявших свои обязанности бесплатно. На устройство и содержание лазарета общество израсходовало всего 20141 руб. 31 коп.

Во время непродолжительной китайской кампании в 1900 г. меннонитскими общинами было собрано в пользу Краснаго Креста 5000 рублей.

Деятельное участие меннониты принимали и в русско-японскую войну [1904 - 1905], жертвуя на нужды войны и деньгами и продуктами, теплой одеждой, бельем и перевязочными припасами и оказывая всякую помощь семьям призванных на войну. Засвидетельствованы крупные пожертвования таврических меннонитов на Красный Крест и на устройство и содержание лазарета Таврического земства [всего 34933 руб.], а екатеринославских меннонитов — на лазарет Екатеринославского земства. Кроме того меннониты Гальбштадтской волости пожертвовали на содержание семейств призванных на

-----
¹⁾ П. В. Каменский, Вопрос или недоразумение, стр. 22.

войну запасных из окружающих Гальштадтскую волость русских селений всего 49848 рублей. Сумма же денежных пожертвований всех меннонитских общин вообще за время японской войны простирается до 272598 рублей, не считая пожертвованного хлеба, одежды, сухарей, различных фруктов и т. п. Из молодых меннонитов многие участвовали в японской войне в качестве санитаров-добровольцев, а в настоящую великую войну их работают в деле оказания помощи больным и раненым воинам целая тысяча.

Оказание помощи пострадавшим от разных бедствий.

В 1852 г. в Молочанском меннонитском округе было собрано в пользу пострадавших от пожара жителей гор. Далматова, Пермской губ., и гор. Саранска, Пензенской губ., всего 103 руб. 11 $\frac{3}{4}$ коп. серебром, каковые деньги были отправлены в попечительный комитет [Отношение попеч. ком. от 10 февраля 1853 г. за № 1207].

В 1861 — 1862 годах меннониты Молочанского округа, а равно и колонисты - лютеране Пришибского округа, говоря словами г. Каменского, широко открыли двери приюта и гостеприимства несчастным болгарским выходцам и при этом отказались от предложенной правительством суммы около 50 тысяч рублей, в виде вознаграждения за продовольствие болгар. Из общественных магазинов Молочанского меннонитского округа заимообразно было отпущено водворившимся в Бердянском уезде болгарам 5000 четвертей хлеба на продовольствие и посев; этот хлеб меннониты бесплатно перевезли от себя в центральные склады. Вообще колонисты проявили относительно болгарских выходцев столько братского сочувствия, столько человеколюбия, что им была выражена благодарность от имени Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, графа Строганова, а Государь Император Высочайше повелеть соизволил:

“Колонистам и меннонитам двух Молочанских округов Таврической губернии, а равно окружным и сельским старшинам их, за похвальные действия по расквартированию и продовольствию зи-

мующих в их колониях 6-ти тысяч душ переселившихся из Виддина болгар, объявить ВЫСОЧАЙШЕЕ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА благоволение”. [Отношение смотрителя колоний от 15 февраля 1862 г. за № 70].

В голодные и неурожайные годы — 1891 год, потом 1901, 1905, 1906 и 1907 гг. — меннониты опять таки принимали близко к сердцу братскую нужду своих страждущих соотечественников и деньгами и продуктами жертвовали большие суммы на нужды русского населения тех округов, которые особенно пострадали от неурожая.

Весною 1906 года меннониты отправили уполномоченных из своей среды в Пензенскую и Казанскую губернии, которые на месте закупали для беднейшего населения хлеб и рабочий скот.

В начале 1907 года в с. Гальбштадте, Тавр. губ., был организован временный благотворительный комитет для ведения дел по оказанию помощи голодающему населению. Комитет напечатал воззвание, и в ответ на него стали поступать пожертвования отовсюду, где на юге России проживают меннониты. Наиболее острая нужда ощущалась в губерниях Самарской, Уфимской и Оренбургской, и комитет поэтому там и сосредоточил свою деятельность. В эти местности были откомандированы уполномоченные от комитета, которые на месте раздавали нуждающемуся населению пищевые продукты и одежду, снабжали его хлебом на посев, открывали даровые столовые, в которых могли столоваться женщины, дети и неспособные к работе мужчины, и т. д. Наличные деньги выдавались только в исключительных случаях. В Белебейском уезде Уфимской губ. работало с 1-го марта по 10-ое июля до 67 столовых, в которых столовалось одновременно до 3463 человек; в Бузулукском уезде, Самарской губ., было открыто 6 детских столовых, где кормили одновременно до 1305 детей, и 11 столовых для взрослых, где одновременно столовалось до 4143 человек., и т. д.

На все это дело комитет израсходовал в означенных местностях всего 43 949 руб. 82 коп. деньгами, 1430 пуд. 15 ф. муки, 12 пуд. 5 ф. Бобов и чечевицы, 20 пуд. 20 ф. пшеница, 2 мешка сушеных фруктов и около 60 пуд. одежды. Кроме того, помимо комитета было отправлено в Уфимскую губ. еще 3440 руб. 35 коп. деньгами, 20 пуд. одежды и 10 пуд. сушеных фруктов, так что общая сумма пожертвований деньгами достигла всего 47 390 руб. 17 коп. В этих пожертвованиях участвовали почти исключительно меннониты южной России, преимущественно Таврической губернии; значительную сумму, именно 13 251 руб. 33 коп, прислали также меннониты из Америки¹⁾. Надо добавить, что меннониты имели в 1907 году и в Хортице и в Гнаденфельде организации по оказанию помощи голодающим, которые работали независимо от Гальштадтского комитета.

Насколько существенна и своевременна была помощь, оказанная голодающему населению, видно из многих “благодарственных писем”, присланных в комитет. Для примера привожу здесь, с небольшими сокращениями, два из них:

1. “1907 года июня 10 го дня от Толкаевского сельского общества, Самарской губернии Бузулукского уезда Вознесенской волости, благодарственное письмо.

Его Высокородию Василию Исааковичу Господину Завацкому²⁾.

Трудолюбивый и братолюбивый наш кормитель Василий Исаакович! Кланяемся от бедных и грустных лиц и до сырой земли и желаем от всевышнего Бога доброго здравия и всего лучшего на белом свете. Любезнейший нам по сердцу

-----
¹⁾ Эти меннониты в 70-х годах прошлого века переселились из России в Америку, о чем уже говорилось выше; как показывает данный пример, они до сих пор не забыли своей прежней родины России.

²⁾ В. И. Завацкий был уполномоченным от комитета для Бузулукского уезда и работал там с начала марта по 15-ое июля 1907 года. Им было устроено в уезде 6 детских столовых, в которых было выдано всего 107 028 порций, и 11 столовых для взрослых, где было выдано всего 219 941 порции. В этом нелегком деле ему много помогали санитарный врач г. Адоевцев а целая группа русских начальных учительниц.

братолюбивый Василий Исаакович, всесердечно благодарим Вас за Ваше усердие к нам бедным. Первый раз мы умирали с голоду, и Вы своими трудами и пожертвованиями воскресили нас; во второй мы падали, выбившись из сил, и Вы приподняли нас и поставили на ноги;... мы плакали день и ночь, и Вы утешили нас.

Василий Исаакович с Вашими жертвователями, когда мы должны нашими молитвами поплатиться с Вами... О, благодетели и жертвователи земли русской, да не забудет и Вас всевышний Бог наш. Василий Исаакович, передайте всем благодетелям и жертвователям наше спасибо, [что] не оставили нас и детей наших, да еще слезно просим, посетите нас [и] Бога ради не оставьте. С почтением к Вам подписуемся своеручно грамотные” [следует 52 подписи, удостоверенные подписью и приложением печати сельским старостой].

2. “Покажи мне веру твою без дел твоих, а я покажу [тебе] веру мою из дел моих.

Мы, крестьяне села Гаврило-Архангельского, Вознесенской волости, Бузулукского уезда Самарской губернии, мая 31 дня текущего [1907] года, собравшись на сходе, обсудили бедственное положение крестьян нашего общества, причиною которого есть совершенный неурожай два минувшие 1905 и 1906 года подряд, в какие Бог знает что могло бы произойти с нашим бедным обществом, в котором [по] большей части крестьянам с своими семьями и в годы средних урожаев приходилось не раз терпеть давление голода, особенно под конец года; — но не знаем, что могло [бы] произойти в нынешний год, когда голод с своими неизменными спутниками— тифом и цынгою —не единицами простыми, а десятками и сотнями истреблял и истребляет жалкий бедный русский народ во многих селах и глухих деревушках.

Бог спас наше общество от этого зловещего призрака-голодовки чрез посланных от людей, так называемых немцев Таврической губернии, которые горя[т] любовью божественною к страдающим братьям, — той любовью, о которой св. Иоанн в послании говорит: “Будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога, потому что Бог есть любовь” [1. Иоанна 4, 7—8].

Эти посланные Богом люди “немцы” не на словах только показали любовь, а на самом деле, — они поступили так, как говорит священное писание: “станем любить не словом пли языком, но делом и истиною” — Эти люди открыли в нашем селе две столовых, одну с 15 марта, другую для детей с 22-го марта с. г., где кормились 896 душ мужского и женского пола из самых бедных семейств в течение двух с половиною месяцев, считая по настоящее время, и благодаря им мы не видели голода. Дети наши не надрывали детским плачем сердца отцов и матерей, большие не терзались, и не слышно было отчаяния...

Все мы благодарим Всевышнего, что Он Своєю всемогущею десницею спас нас чрез наших неизвестных для нас братьев немцев и помог провести трудное время года без слез и отчаяния! Как можем будем молиться о наших благодетелях и верим, что близок Господь ко всем призывающим Его, ко всем призывающим Его в истине; желание боящихся [Его] Он исполняет и вопль их слышит.

Мы, крестьяне села Гаврило-Архангельскаго, с общаго всех нас согласия постановили настоящий благодарственный адрес вручить на руки уполномоченному и заведывающему над столовыми Василию Исааковичу Завацкому для передачи такового в Комиссию и шлем дорогим нашим братьям спасителям сердечное спасибо!

К сему подписуемся грамотные” [следует 29 подписей, а за 115 неграмотных расписался сельский писарь, что удостоверено подписью и приложением печати сельским старостой] ¹⁾.

Заключение

Все эти факты, которых можно было бы привести еще много, ярко свидетельствуют о том, что меннониты всегда с горячею преданностью и любовью относились к своей родине России и “откликались на все, что совершалось в стране; что они, как один человек, деньгами, работой, продуктами, не жалея ни здоровья, ни жизни, добровольно, единодушно жертвовали на пользу своей отчизны, во всякую нужную минуту; что их поведение, прошедшее пред глазами всего общества, обратило на себя внимание высшего правительства и было названо Монархом “подвигом” [Каменский].

Меннониты никогда не забывали и не забудут, чем они обязаны России: поэтому верность их к своей отчизне вполне естественна и искренна. Их историческое прошлое не только не создавало препятствий для развития такого рода чувствований, а скорее способствовало ему. Гонимые в других странах, предки меннонитов, в момент крайне затруднительного положения, нашли убежище и приют в России, которая гостеприимно их приняла и с глубоким пониманием и полной терпимостью отнеслась к их религиозным убеждениям. Вот почему всякое посягательство на честь и достоинство России меннониты считают и посягательством на свое духовное достояние, ибо ни одно другое европейское государство не давало им того, что дала им Россия.

То обстоятельство, что в настоящую европейскую войну меннонитская молодежь целыми сотнями спешила на помощь дорогой отчизне, особенно в Москву, в качестве санитаров-добровольцев, отдавая себя всецело святому делу милосердия и служения ближнему, в лице

-----
¹⁾ Подлинники этих писем находятся у бывшего председателя благотворительного комитета, И. С. Петерса в с. Ней-Гадьбштадт, Тавр. губ

больных и раненых воинов, в связи с обильными пожертвованиями, сделанными меннонитами за время настоящей войны и деньгами, и личным трудом, и всякого рода продуктами¹⁾, — наглядно показывает, что мощный подъем патриотического духа, охвативший с самого начала войны всю страну, коснулся и их; что они, в глубоком историческом сознании, почувствовали себя исконными детьми своей матери России и, в грозный час великого испытания, сплотились воедино со всеми верными сынами великой Руси на защиту Царя и Отечества!

Да поможет Господь Бог каждому из нас всегда и всюду исполнять священный долг мирного гражданина— жертвовать всем за Царя и Отечество!

Тезисы.

На основании вышеизложенных исторических данных можно сделать следующие выводы:

- 1) меннониты переселились в Россию по прямому приглашению русского правительства и на предварительно установленных условиях;
- 2) первобытной родиной российских меннонитов, за самыми незначительными исключениями, является отнюдь не Германия, а прежние Нидерланды, т. е. нынешняя Голландия и Бельгия;

- 1) За первые 10 месяцев настоящей войны Гальбштадтская и Гнаденфельдская волости вместе ассигновали в разное время на Красный Крест, в пользу семейств запасных и на различные нужды войны всего около 240 тыс. руб. деньгами, и пожертвовали 860 пуд. 11 фунт, сухарей, 342 пуда 21 фунт сушеных фруктов и проч. Кроме того Гнаденфельдская волость пожертвовала различных продуктов: муки, зерна [главным образом пшеницы], картофеля, соломы, фруктов, одежды, лекарств и пр., и денег, всего на 17533 руб. 04 коп., а Гальбштадтская волость — 4832 пуд. 17 фунт, пшеницы, 500 пуховых подушек для лазаретов, стоимостью в 1500 руб., много теплой одежды, белья, корний и т. п. Далее Гальбштадтская волость содержит на свои средства два лазарета для больных и раненых воинов, а Гнаденфельдская — один лазарет, каждый на 30 кроватей. В августе месяце прошлого года меннониты этих волостей отправили в окрестные русские селения несколько тысяч подвод с людьми и несколько молотилок, чтобы убрать и помолотить оставшийся в поле хлеб призванных на войну запасных и ратников, и т. д.

- 3). предки российских меннонитов, по выходе из Нидерландов, были польскими подданными в течение 232—253 лет;
- 4). прусскими-же подданными многие из них никогда не были, именно те, которые в 1788 году переселились в Россию из города Данцига и его округа;
- 5). остальные временно состояли в прусском подданстве, большинство от 16—31 года, но и то всецело помимо и даже против своей воли и без какого-либо содействия с своей стороны, вследствие раздела Польши;
- 6). поэтому нельзя называть меннонитов России потомками германско-подданных, а необходимо считать их потомками польско-подданных, если уж не принимать во внимание их голландского происхождения и если не считать их 125-летнего пребывания в русском подданстве.

